

Юлия Арниева

САХАРНАЯ ИМПЕРИЯ

Интересы короны

Сахарная империя

Юлия Арниева

**Сахарная империя.
Интересы короны**

«Автор»

2026

Арниева Ю.

Сахарная империя. Интересы короны / Ю. Арниева — «Автор», 2026 — (Сахарная империя)

Свобода в Англии имеет горький привкус. Виконт Сандерс мертв, но вместо долгожданного облегчения я оказалась в мрачном здании Боу-стрит, а смерть мужа только вскрыла тайны, которые лучше было не тревожить. Темные обязательства Колина и его странные связи оказались частью игры куда более масштабной и опасной, чем семейная драма. Теперь я невольный игрок в большой политике, где за каждым жестом прячется кинжал, а за светской улыбкой — государственная тайна. Мне предстоит выяснить, кто на самом деле управлял моим мужем и какую цену я готова заплатить, чтобы защитить свое дело, своих людей и саму себя. Но я переиграю тех, кто стоит в тени. Разгадаю чужие тайны раньше, чем они станут моим приговором, и превращу навязанную службу в свой главный актив. В этой партии на кону государственные интересы, но решающий ход останется за мной. Важно: Книга 3. Планируется серия (3-4 книги). Выживание, прогрессорство и реалии начала XIX века.

© Арниева Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сахарная империя. Интересы короны

Глава 1

Карета остановилась раньше, чем я успела морально подготовиться. Констебль открыл дверцу и отступил, не подав руку, просто отошёл, давая понять, что галантность осталась на Кинг-стрит вместе со всем остальным. Я вышла сама, зажмурившись от света после полутьмы кареты, и сразу же из-за угла здания донёсся чей-то вопль, резкий и короткий, за которым последовала брань, потом смех, потом снова тишина, такая же внезапная, как и шум.

Боу-стрит. Вывеску я разглядела не сразу, сначала увидела людей у дверей. Ободранный мальчишка с разбитой губой смотрел на меня с холодным, оценивающим прищуром, каким смотрят на чужое добро, прикидывая его стоимость. Рядом женщина в грязном чепце плакала в платок, не поднимая головы — платок был мокрым насквозь, и плакала она, судя по всему, уже давно и без всякой надежды на то, что это поможет. Двое мужчин со связанными руками переругивались вполголоса, то и дело толкая друг друга плечом с упорством людей, которым больше нечем заняться. Чуть поодаль у стены дремал пожилой констебль с таким лицом, словно жизнь давно перестала его удивлять, и он был этому только рад. Я поняла, что смотрю на них так же, как они смотрят на меня — изучающе, отстранённо, — и что разница между нами сейчас была меньше, чем мне хотелось бы думать.

Меня провели через боковую дверь, отдельно от этой компании. И стоило только переступить порог мрачного здания, в лицо тотчас ударило амбре из застоялого пота, дешёвого джина и кислых помоев, от которого в горле мгновенно запершило. Я невольно перехватила юбки, стараясь не касаться стен: шелк от мадам Лефевр в этих облупившихся коридорах смотрелся так же нелепо, как парадные перчатки в угольном складе.

Мы двинулись вглубь здания, по коридорам, казавшимся бесконечными; на стенах под слоями грязи угадывались чьи-то давние надписи. За закрытыми дверями по обе стороны слышались приглушённые голоса, иногда с внезапными взрывами брани, обрывавшейся так же резко, как и начиналась. Дойдя до лестницы, мы начали подниматься, и деревянные ступени надрывно скрипели под каждым шагом, словно оповещая весь дом о нашем прибытии. Наконец, миновав последний пролёт, где единственное узкое окно под самым потолком едва пропускало бледный прямоугольник неба, мы на секунду замерли перед дверью, которую констебль отворил плечом.

За ней оказался зал, просторнее, чем я ожидала: высокий потолок, скамьи вдоль стен, несколько констеблей у колонн, писари с перьями наготове. Окна выходили на север, и свет в зале был тусклым, при котором лица выглядят устале, чем есть, а стены давят сильнее, чем должны бы. В дальнем конце, на возвышении за массивным столом, покрытым зелёным сукном, сидел магистратат. Немолодой, грузный, с тяжёлыми веками, он изучал бумагу перед собой. Рядом топтался клерк с бумагами под мышкой, старательно хмурившийся и изображавший занятость — от этой старательности веяло такой неопытностью, что на мгновение стало почти смешно.

На скамьях сидело человек пятнадцать. Часть из них явно пришла по своим делам и ждала очереди, но несколько пришли именно сейчас, именно ради этого. Лондон умеет узнавать о происходящем быстро.

Меня оставили перед столом.

— Леди Катрин Сандерс, виконтесса Роксбери? — произнёс магистратат, не поднимая глаз.

— Да.

Он поднял голову и несколько секунд разглядывал меня молча, оценивающе, без враждебности, как разглядывают вещь, которую придётся долго хранить.

— Вы знаете, в чём вас обвиняют?

— В общих чертах.

— Тогда уточним, — произнёс он, взял лист и прочёл чуть монотонным голосом, каким читают вслух для протокола: — Сегодня в первой половине дня в доме на Керзон-стрит обнаружен мёртвым виконт Колин Сандерс. Смерть наступила от удара по голове тупым предметом. По свидетельству лакея виконта, незадолго до гибели к нему явился некий человек, сообщивший, что прибыл от леди Сандерс. После этого виконт заперся в кабинете. Лакей, встревожившись долгим молчанием, вошёл и обнаружил тело у стола и лужу крови у головы. — Магистратат отложил лист и сложил руки на столе. — Вы отправляли человека к виконту с намерением его убить?

— Нет.

— О смерти виконта вы, когда узнали?

— От констеблей, явившихся ко мне домой.

Он кивнул, не поднимая глаз, бросил что-то писарю вполголоса, и тот немедленно склонился над бумагой.

— Вы инициировали бракоразводный процесс.

— Да.

— Вы покинули супружеский дом против воли мужа.

— Я покинула дом, в котором совершалось прелюбодеяние, — произнесла я. — Церковный суд признал мои доводы обоснованными.

— Тем не менее, — магистратат чуть приподнял бровь, — вы имели очевидные основания желать смерти виконта. Живой муж препятствие для вашей свободы. Мёртвый решает все затруднения разом.

Финч предупредил меня ничего не говорить, но сейчас молчание было равносильно признанию и мне оставалось только осторожно говорить, взвешивая каждое слово.

— Вы ошибаетесь, сэр. Вдова имеет значительно меньше прав, чем разведённая женщина. По закону вдова имеет право только лишь на «вдовью долю», но поместья Сандерса обременены долгами, которые в несколько раз превышают стоимость его земель. Мой Билль о разводе уже проходит чтения в Парламенте. Только после его согласования я получу право вести дела от своего имени и распоряжаться собственными средствами. Смерть виконта превращает меня в нищую вдову при пустом наследстве, обложенном кредиторами. Зачем мне убивать мужа за неделю до того, как закон должен был официально вернуть мне право на возврат моего приданного?

Магистратат помолчал, глядя на меня с тем же непроницаемым вниманием, пока писарь скрипел пером, дописывая последнее. Потом взял следующий лист.

— Свидетели показывают, что несколько дней назад у особняка леди Мельбурн вы публично оскорбили виконта.

— Виконт публично оскорбил меня, — поправила я. — Явился пьяным к парадному входу и устроил сцену на глазах у нескольких десятков людей.

— Тем не менее у вас имелся мотив, — произнёс он, и «тем не менее» прозвучало уже в третий раз. — У вас на службе состоит некий Ричард Дорсон, известный как Дик Дорс.

— Да.

— Дорсон был уволен с флота за воровство и убийство.

Магистратат произнёс это ровно, без нажима, и именно поэтому слово прозвучало весомее, чем если бы он его выделил. По скамьям за моей спиной прошло едва слышное движение — кто-то заёрзал, кто-то негромко кашлянул. Я молчала ровно столько, сколько нужно было, чтобы молчание не приняли за растерянность.

— Мне не было известно о прошлом Дорсона, — произнесла я наконец. — Он был рекомендован мне как надёжный человек.

— Вы отдавали ему приказания.

— Он охраняет мой дом.

— Вы просили его найти человека, способного убить виконта Сандерса.

— Нет.

— Вы это отрицаете.

— Я это отрицаю.

Магистрат положил лист на стол и несколько секунд молча смотрел на меня. Потом взял третий лист и прочёл, на этот раз медленнее:

— По свидетельству очевидцев, несколько недель назад виконт Сандерс приблизился к вам на приёме у графини Джерси и просил вас последовать за ним. После чего, по тем же свидетельствам, вы нанесли ему оскорбление действием и удалились. — Магистрат поднял глаза. — Это соответствует действительности?

На скамьях за моей спиной кто-то тихо хмыкнул. Я подумала, что этот человек, вероятно, слышал версию, приукрашенную значительно богаче, чем протокольное «оскорбление действием».

— Соответствует, — ответила я. — Виконт схватил меня за руки и пытался силой увести в тёмный коридор. Я защищалась. К тому моменту Церковный суд уже выдал постановление о разделении стола и ложа. С точки зрения закона виконт Сандерс не имел права ко мне прикасаться.

— Вы ударили его.

— Да, — подтвердила я.

Магистрат смотрел на меня. Лицо его по-прежнему ничего не выражало, но что-то в паузе, последовавшей за этим обменом репликами, было чуть длиннее обычного.

— Позвольте изложить, как это выглядит со стороны. Вы покинули мужа, обвинив его в тяжких грехах. Переехали в Лондон, наняли человека с преступным прошлым. Несколько дней назад публично применили силу к виконту. Незадолго до его гибели к нему явился некто, сославшись на ваше имя. Виконт мёртв. Ваши объяснения?

— Я приехала в Лондон и подала на развод открыто, понимая, что весь город будет это обсуждать, — произнесла я, выдерживая его взгляд. — Собрала доказательства, нашла свидетелей, обратилась в церковный суд. Выстраивала дело против мужа месяцами публично и по закону. Скажите мне: зачем человеку, действующему столь последовательно и открыто, убивать мужа? Если бы я намеревалась убить мужа, у меня было достаточно возможностей, времени и здравого смысла сделать это иначе.

— Значит, вы не признаёте своего участия, — произнёс он наконец.

— Нет.

— Постановление о заключении под стражу до завершения предварительного следствия, — объявил он, обращаясь к писарю тем же ровным, усталым голосом, каким читал обвинение. — Ньюгейт. Платная сторона.

Перо закрипело с равнодушной аккуратностью, с какой вписывают в реестр новый тюк товара. За спиной кто-то тихо выдохнул, кто-то зашептался, и этот шёпот был хуже любого крика, в нём не было ни сочувствия, ни осуждения, только любопытство людей, получивших то зрелище, за которым пришли.

Констебль шагнул ко мне и взял под локоть, без церемоний, как берут всех, кто стоит перед этим столом. Я не отдёрнула руку, но это прикосновение обожгло, как обжигает понимание: виконтессы Сандерс в этом здании больше не существует. Есть подозреваемая, которую ведут к выходу.

Мы вышли из зала, под всё тот же шепот, прошли бесчисленными коридорами и вышли через ту же боковую дверь. До Ньюгейта ехать было недолго, и всю дорогу я смотрела в решётчатое окошко кареты, пока мимо плыли улицы — Олд-Бейли, потом поворот, потом ещё один. Лондон за решёткой выглядел точно так же, как всегда: те же вывески, те же прохожие, та же суета людей, у которых есть куда идти и незачем смотреть на закрытые кареты.

Всю дорогу я думала о том, кто-то это спланировал. Человек явился к виконту, назвал моё имя, и виконт его принял, а значит, визит не показался ни лакею, ни самому виконту из ряда вон выходящим. Хейс? Слишком очевидно и слишком неаккуратно. Ярмут? Он не стал бы убирать Колина только за то, что тот устроил сцену в опере. Разве что Колин в своём нынешнем состоянии знал что-то такое, что пьяный язык рано или поздно мог вынести наружу. Что-то, за что Ярмут не пожалел бы никаких денег, лишь бы это осталось похороненным. Мысль была неприятной и очень убедительной.

Карета остановилась, и думать стало некогда.

Ньюгейт я впервые увидела близко — серые стены без украшений, без единого окна на первом этаже, без намёка на то, что за ними есть что-то живое. У ворот толпились зеваки — те же, что ходят на казни и смотрят на пожары, люди, у которых есть время и тяга к чужому несчастью.

Меня провели через боковой вход. Сырость ударила сразу, не тот привычный запах реки и угля, который преследует весь город, а нечто более давнее: плесень, невымытые тела и поверх всего этого едкий, химический запах уксуса, которым, судя по всему, здесь пытались перебить вонь чего-то значительно худшего.

В кузнице — длинном помещении с низким потолком, где вдоль стен тянулись ряды скоб и крюков — нас встретил смотритель. Широкоплечий, краснолицый, он скользнул по мне равнодушным взглядом. Рядом кузнец держал наготове железо, и где-то в глубине помещения мерно ухал молот. При виде этого железа у меня по спине прошло что-то острое и очень конкретное.

Смотритель молча протянул руку. Констебль, которому Финч ещё дома вложил монеты в ладонь, наклонился к нему и что-то негромко сказал. Смотритель покосился на кузнеца, убрал руку и кивнул. Кузнец отступил, молот тотчас смолк, а я выдохнула, не заметив, что задерживала дыхание.

В тот же миг появилась из бокового прохода тюремная матрона. Она взяла меня за руку выше локтя и повела в каморку без окна. Там поставила передо мной миску и сделала короткий жест рукой.

Я не сразу поняла.

— Шпильки, — произнесла она, не объясняя зачем.

Я вынула шпильки из волос и положила в миску. Волосы рассыпались по плечам, и матрона окинула их взглядом, словно проверяя, не спрятано ли что внутри. Потом взялась за крючки на спине моего платья.

— Это тоже обязательно? — произнесла я.

— Обязательно, — ответила она без интонации, не поднимая головы.

В другой жизни я бы не позволила чужим рукам прикасаться к себе вот так без спроса. Здесь же я стояла и смотрела в стену прямо перед собой, пока матрона методично обыскивала каждый шов, каждую складку, каждый потайной карман, видимо искала яд, острые предметы, всё то, чем отчаявшийся человек может навредить себе или другим. Пальцы двигались быстро и привычно, и от этой привычности, от чужих грубых рук было хуже, чем от самого обыска.

— Ридикюль.

Ридикюль перекинул на стол. Матрона открыла его, перебрала содержимое быстро и деловито: носовой платок в миску, флакончик розовой воды туда же.

— Деньги есть? — буркнула матрона.

— Нет.

Она смерила меня долгим, оценивающим взглядом, затем молча взяла миску и вышла. А меня повели дальше, по коридору, который становился всё уже и темнее по мере того, как мы удалялись от кузницы. Лязг засовов доносился то справа, то слева, иногда совсем близко, иногда из-за нескольких дверей сразу. За одной из них кто-то тихо выл — ровно, без остановки. Матрона шла впереди, не оборачиваясь, и каблуки её туфель отбивали по каменному полу короткий ритм. Но вот матрона остановилась у двери в конце коридора, достала ключ и отперла замок.

Камера на платной стороне оказалась маленькой комнатой с кроватью, столом, стулом и единственным окошком — узкой щелью под самым потолком, сквозь которую внутрь попадало не столько света, сколько звуков с улицы. Огарок свечи в жестяном подсвечнике, рядом на столе лежали ещё две. Кровать с тюфяком, набитым соломой, давно слежавшейся и потерявшей форму. По меркам Ньюгейта — отдельные апартаменты. По меркам всего остального — клетка.

Тяжелая дверь захлопнулась, и засов вошел в паз с таким визгливым скрежетом, что я невольно поморщилась.

Я опустила на кровать и некоторое время просто сидела, глядя на стену напротив. Серый камень, крупная кладка, в одном месте чья-то рука нацарапала что-то неразборчивое — кто-то тоже сидел здесь и тоже смотрел на эту стену, и ему, судя по всему, тоже было нечем заняться, кроме как оставить след. Холод поднимался снизу, от пола, и от стен — несмотря на то, что снаружи стоял июнь, — и это был не тот холод, который можно было победить, задвинув шторы или подбросив дров в камин. Это был холод камня, которому всё равно, какой месяц на дворе.

Снаружи приглушённо, но непрерывно гудело. Иногда прорывался чей-то крик, неразборчивый, непонятно чей, непонятно о чём. Потом тишина, и снова лязг засовов где-то в глубине тюрьмы, мерный, через равные промежутки, как будто кто-то там, в темноте, специально отсчитывал время чужих несчастий. Где-то капала не переставая вода, точно напоминая о себе каждую секунду.

Встала и прошлась от стены до стены. Четыре шага туда, четыре обратно. Потом снова. Это не помогало, но стоять на месте было хуже. Однажды я просыпалась в полной растерянности, не понимая, где нахожусь и что делать дальше. Это чувство беспомощности злило, сейчас оно вернулось, приводя меня в ещё большую ярость.

Я снова села на кровать, бездумно глядя перед собой. Свеча горела, мучительно медленно становясь короче, тень от неё на стене выросла и стала похожа на что-то неприятное, и я перестала на неё смотреть.

Когда от свечи остался огарок, замок снова провернулся, дверь распахнулась и на пороге появилась Мэри.

Сердце дёрнулось — глупо, по-детски, как будто её появление могло что-то изменить, как будто за ней шли Финч с документами и констебль с извинениями, и сейчас всё это окажется страшным недоразумением и можно будет поехать домой. Но Мэри вошла одна, держа корзину обеими руками, и лицо её было таким: ошеломлённым, виноватым и полным такого беспомощного сочувствия, что я поняла сразу — никакого Финча с документами нет, и недоразумения никакого нет, и ехать домой сегодня не придётся. Я натянула улыбку, не очень убедительную, но достаточную, чтобы она не расплакалась прямо здесь.

Потом что-то в ней собралось, выпрямилось, и она шагнула к столу, поставила корзину и начала выкладывать — одеяло, накидку и завернутое в чистое полотно что-то тёплое, из-под которого немедленно потянуло запахом кухни Бриггса, и от этого запаха, такого домашнего и такого неуместного здесь, у меня на секунду сжало горло.

— Миледи... мистер Финч, — глухим голосом заговорила Мэри, разворачивая накидку и встряхивая её, словно это было самое обычное дело на свете, — как только вас увезли, отправился к лорду Бентли. Он дал мне денег, чтобы я могла заплатить... чтобы меня к вам пустили...

— Сколько взяли?

— Золотую гинею, — выдохнула она, бережно расправляя накидку у меня на плечах. — Миссис Грант собрала. Сказала, камни всегда холодные, даже летом.

— Она права. — Я плотнее запахнулась, чувствуя, как тепло дома спорит с ледяным дыханием камеры. — Гинея за пять минут свидания... Дорого же я обхожусь этому заведению... как все?

Мэри рассказывала про Джейн, которая плакала, пока миссис Грант не велела ей немедленно прекратить и заняться делом, про Дика, который ничего не сказал, просто взял шляпу и куда-то ушёл. А я слушала, и за этими словами чувствовала что-то большее: что там, на Кинг-стрит, всё продолжается, что дом не замер, что люди, которым я доверяла, делают то, что нужно, не ожидая, пока им скажут. Это было важнее, чем она, наверное, понимала.

— Я могу остаться, — произнесла она, подавшись вперед. — Мне сказали, что здесь с миледи могут находиться горничные, и если доплатить, то можно. Я очень хотела бы...

— Нет, ты нужна мне там. Скажи Дику, чтобы поговорил с лакеем с Керзон-стрит. Тот, что видел человека, явившегося к виконту. Пусть найдёт его раньше, чем это сделают другие. Запомнила?

— Лакей с Керзон-стрит, — повторила она сразу, без запинки. — Тот, что видел человека.

— Именно. И ещё завтра утром зайди к Финчу на Найтрайдер-стрит, скажи ему, что мне нужны бумага и перо. Здесь их нет, а писать придётся.

— Принесу сама, если позволят.

— Хорошо. — Я помолчала. — Иди, Мэри.

Она кивнула, взяла пустую корзину, и уже у двери всего на секунду обернулась, и я увидела в её лице то, что она так тщательно прятала всё это время: страх. Потом она постучала в дверь, матрона отперла снаружи, Мэри вышла, и лязг засова прозвучал точно так же, как в первый раз, пронзительно и окончательно.

Я осталась одна.

На столе лежал сверток, который Мэри достала из корзины, развернула полотно и некоторое время просто смотрела на то, что внутри: кусок холодной телятины и ещё тёплая горбушка хлеба, пахнувшая патокой и тмином. Бриггс всегда пёк по своему рецепту, и этот запах был настолько из другой, настоящей жизни, что я зажмурилась на секунду, прежде чем начала есть. Ела механически, не чувствуя ни вкуса, ни голода, просто потому что надо было, потом вытерла руки платком и легла на кровать, подтянув накидку и одеяло разом.

Холод не уходил. Он сочился из камня, пропитывал ткань, забирался под кожу. Я лежала, смотрела на серую стену, и прокручивала в голове одно и то же — лица, слова, взгляды, — и чем дольше прокручивала, тем меньше понимала. Это было как ходить по камере: четыре шага туда, четыре обратно, и стены всё те же, и выхода нет. Лицо человека, который меня подставил маячило где-то на краю, почти угадывалось, и каждый раз, когда я думала, что вот — оно, — оно ускользало, оставляя только ощущение, что я смотрю не туда. Потом мысли начали путаться, наплывать одна на другую, терять края, и в какой-то момент я просто перестала думать, потому что больше не было сил.

Ночь наступила без предупреждения: окошко под потолком почернело, огарок дотлел и погас, и темнота заполнила углы, медленно, от краёв к середине. Из глубины тюрьмы тянулись звуки — стоны, чей-то резкий смех совершенно не к месту, и где-то плакала женщина.

К рассвету я превратилась в часть этой камеры — такую же холодную, такую же неподвижную. Снаружи начали просыпаться птицы, и их голоса звучали так неуместно и так живо,

что я какое-то время просто лежала и слушала, не двигаясь, не думая, пока в окошке под потолком небо из чёрного не стало серым, потом грязно-белым.

Тогда я с трудом села на кровати, прижавшись спиной к холодной стене и уставилась в противоположную. Но вот среди уже привычного скрежета засовов и голосов вдруг так резко провернулся замок моей двери, что я невольно вздрогнула. Дверь открылась, я взглянула на вошедшего и, не сумев сдержаться, произнесла:

— Вы?

Глава 2

— Леди Сандерс... мы не были представлены. Ричард Форд, магистратат Боу-стрит.

— «Главный магистратат», — мысленно поправила я, разглядывая мужчину. Высокий, крепкого телосложения, с поджарой, сухой силой, что сохраняется у людей подвижных и привычных к работе. Тёмные волосы с заметной проседью, уложенные аккуратно и без излишеств, обрамляли лицо с резкими скулами и светлыми, внимательными глазами, из тех, что запоминают всё и ничего не выдают.

Именно он тогда у парадного входа леди Мельбурн, взял Колина под локоть с такой хваткой, что тот дёрнулся, как от ожога. В тот же вечер я попыталась разузнать о нём у леди Уилкс, но она отвечала скупой и без обычного своего удовольствия от сплетен, что само по себе было красноречивее любых слов. Наклонившись чуть ближе, почти шёпотом, она кратко сообщила: блестящий юрист, правая рука герцога Портленда, у него везде свои люди, и поговаривают, что ни одно письмо в Лондоне не доходит до адресата, не побывав прежде в его руках. Французских шпионов ловит тихо, без огласки, ирландских заговорщиков так же, и никто не знает как, потому что те, кто мог бы рассказать, уже не рассказывают ничего и никому. Речную полицию он создавал вместе с Колкухоуном — тот придумал систему, Форд пробил её через правительство и выбил деньги из купцов Вест-Индии. На этом леди Уилкс замолчала и больше к теме не возвращалась, что само по себе о многом говорило.

Дик добавил то, о чём она предпочла умолчать: все боятся Форда, воры, скупщики, лодочники на Темзе. Его осведомители есть в каждом кабаке у реки, в каждой ночлежке Саутурка, и никто не знает, кто из соседей на него работает, поэтому молчат.

— Чем обязана, мистер Форд? — спросила я, жестом пригласив его присесть на единственный стул в камере.

Он сел без малейшего колебания, раскрыл портфель с таким же невозмутимым видом, с каким, полагаю, раскрывал его в министерских кабинетах и в куда более мрачных местах, чем это, и не делая пауз, заговорил:

— Леди Сандерс, я счёл необходимым лично уведомить вас о результатах дознания. Обстоятельства кончины виконта более не вызывают сомнений у короны. Официальная версия такова: виконт был пьян, запнулся о кресло и ударился затылком о край стола. Показания врача и осмотр комнаты подтвердил несчастный случай, рана на затылке милорда полностью соответствует углу стола, о который он ударился.

Форд поднял на меня свой тяжёлый, немигающий взгляд, и в этом взгляде я прочла куда больше, чем он только что озвучил.

— Дело закрыто, миледи. Приказ о вашем немедленном освобождении передан смотрителю. Вы свободны.

— А неофициальная версия?

— Она не имеет юридической силы, миледи, а следовательно, никому не интересна, — произнес он с той едва уловимой усмешкой, которая бывает у людей, знающих слишком много грязных тайн этого города.

— Она интересна мне, — я не позволила себе ни тени просительной интонации. — Я имею право знать имя того, чья «удачная идея» едва не отравила меня на виселицу.

Форд молчал. Секунду, другую... Магистратат не торопился. Он взвешивал меня, как взвешивают на бирже сомнительный, но перспективный актив.

— Согласен, — произнёс он наконец, и в его голосе прорезалась сухая, деловая нота. — Своего врага разумнее знать в лицо. Но боюсь, вы приписываете себе слишком важную роль в этой драме, леди Сандерс. Возможно, вы и не были целью. Просто так... удачно сложилось.

— Удачно? Чья-то «удача» слишком отчетливо пахнет сыростью Ньюгейта, мистер Форд. — Я не сводила с него глаз, пытаясь уловить хоть малейшую тень эмоции на лице высеченном из камня. — И для кого же мой арест стал таким счастливым случаем? Я полагаю, вам это имя не известно?

— Наверное тот, чьим интересам более не отвечало присутствие виконта в этом мире, — сухо ответил он. — И кто счел наличие супруги, затеявшей бракоразводный процесс, весьма своевременным украшением сцены. Согласитесь, миледи, Провидение редко бывает столь щедро на совпадения без посторонней помощи.

Я смотрела на него и думала о том, что главный магистратат Боу-стрит не является лично в камеру Ньюгейта ради того, чтобы сообщить об освобождении подозреваемой. Для этого есть клерки, смотрители и дюжина других людей, которым незачем передавать подобные новости. За его визитом стояло что-то ещё. Вопрос был только в том, что именно.

— Почему этим делом занялись вы лично? — произнесла я. — Насколько мне известно, семейные драмы редко входят в круг интересов человека, который охотится на шпионов Бонапарта.

— Лорд Гренвиль счел, что мой скромный опыт будет здесь не лишним, — Форд едва заметно сузил глаза. — Теперь я разделяю его убежденность.

Это прозвучало не как комплимент, а как вердикт, поставленный в конце долгого исследования. Я не стала уточнять, к какому выводу он пришел, в Ньюгейте лишние вопросы не приближают к выходу.

— Значит, я могу идти?

— Безусловно. — Форд закрыл портфель и поднялся, возвращая себе привычную осанку государственного мужа. — Советовал бы поспешить, миледи, иначе герцог Кларенс рискует протереть дыры в коврах вашей гостиной.

Я замерла, не успев подняться.

— Его Высочество... в моем доме?

— Он имел любезность нанести мне визит в самый неподходящий ночной час, — в голосе Форда проскользнула тень усмешки. — И весьма громогласно осведомился, отдаю ли я себе отчет в том, с кем имею дело. Полагаю, соседи теперь тоже в курсе наших с ним разногласий... и будьте добры, передайте лорду Бентли, он ожидает вас в экипаже у ворот, что за ним долг в партию в вист.

— Непременно передам, — я поднялась, чувствуя, как затекшие ноги слушаются с трудом. — Благодарю вас, мистер Форд.

— До меня доходили слухи о вашей деятельности, леди Сандерс, — произнес он, и в его тоне появилась новая, почти осязаемая плотность. — Но я не привык доверять лондонскому воображению и полагал, что рассказы о вашем влиянии лишь плод досужих сплетен. Теперь же я нахожу, что действительность куда любопытнее слухов. И она определённо заслуживает более детального изучения.

— Буду рада, нашему дальнейшему общению, — ответила я, подумав, что внимание Ричарда Форда — это сомнительный подарок. Быть под прицелом его интереса, пожалуй, опаснее, чем сидеть под замком. Но, кажется, выбора мне не оставили.

Не спеша и не обращая внимания на замершего у стола магистратата, я сложила одеяло и накидку, хотя было огромное желание оставить все здесь, чтобы ничего мне не напоминало об этом месте. Я направилась к выходу, но когда до двери оставался всего шаг, Форд снова заговорил:

— У вас весьма влиятельные покровители, леди Сандерс... я удивлен.

Я остановилась, но оборачиваться не стала.

— Деловые союзники, мистер Форд, — поправила я и, помедлив секунду, глядя на полоску света из коридора, добавила: — И мне хотелось бы верить, что со временем я смогу называть их друзьями.

За спиной воцарилась тишина. Я почти кожей чувствовала, как главный магистратат Боу-стрит переваривает эту поправку. Партнерство в нашем мире было делом обычным, но дружба... дружба стоила куда дороже.

Я вышла, не дожидаясь ответа.

Матрона ждала в коридоре — та же, молчаливая, с размеренной поступью человека, которому некуда торопиться, потому что работа никуда не денется. Повела обратно тем же путём, мимо дверей, за которыми всё ещё что-то бормотало и скрипело, лязгало и капало, но теперь всё это оставалось позади, и разница оказалась огромной, куда большей, чем я ожидала. В каморке без окна матрона поставила на стол миску, молча достала шпильки, флакончик розовой воды, носовой платок — каждый предмет отдельно, аккуратно, с той же деловитой точностью, с какой забирала. Я вколола шпильки в волосы наспех, флакончик убрала в ридикюль и вышла следом за матроной, которая уже шагала к боковой двери...

Свет ударил в глаза прежде, чем я успела зажмуриться — пыльный, жаркий, пропитанный гарью и запахами близкого рынка. Мир снаружи не желал знать о том, что происходило за этими стенами. Орали торговцы, грохотали по булыжникам тяжелые телеги, идущие к Смитфилду, где-то совсем рядом у коновязи фыркала лошадь. Весь этот хаос был живым и настоящим, и я шла к нему почти бегом, не оглядываясь.

Недалеко от стен тюрьмы, в тени нависавших над переулком домов, стояла карета без опознавательных знаков, именно такая, какую выбирают люди, у которых есть веские основания не привлекать внимания. В окне мелькнуло лицо Финча, и я поняла, что это за мной, и ускорила шаг, крепко прижимая к себе свой скромный скарб. Дверца открылась сама, и я, не дожидаясь кучера, забралась внутрь.

— Леди Сандерс! — голос Финча дрогнул, и он замолчал, так и не решившись коснуться моей руки. В его глазах застыло такое неистовое облегчение, что мне стало почти больно. — Слава Богу, миледи. Слава Богу.

Я опустилась на сиденье, чувствуя, как мягкая обивка кареты принимает мой вес, такая непривычная после жестких досок Ньюгейта.

— Лорд Бентли... мистер Финч... я не знаю, скольким обязана вам обоим, но...

— Финч известил меня незамедлительно, — перебил Бентли. Он сидел в тени, и только ритмичный стук его пальцев по набалдашнику трости выдавал волнение. — Учитывая обстоятельства, промедление было бы фатальным. Я нанес визит лорду Гренвилю. Он и мистер Форд возвращаются в тех сферах, о которых в приличном обществе не принято упоминать за десертом.

Он сделал паузу, и в полумраке кареты его взгляд блеснул, как сталь.

— Лорд Гренвиль, судя по всему, питает к вам весьма лестное расположение, леди Сандерс.

Я не ответила, глядя в окно. Равнодушный Лондон уже плыл мимо, совершенно незнющий, что одна из его дочерей едва не лишилась головы.

— У вас есть предположения, кто мог желать смерти виконту? — внезапно спросил Бентли, подавшись вперед. — Убийство в собственном доме... Кто-то действовал наверняка. Вы кого-то подозреваете?

В голове эхом отозвались слова Форда: *«Вы и не были целью... просто так удачно сложилось»*. Но я лишь плотнее сжала губы и покачала головой.

— Нет, милорд. У Колина было много долгов и сомнительных знакомств, но я... я не знаю, кто мог зайти так далеко.

Бентли откинулся назад, явно неудовлетворенный ответом, но допытываться не стал.

— Сейчас не время для дознаний, — произнес он мягче. — Вы пережили достаточно. Отдыхайте. Но я буду ждать от вас вестей, нам необходимо обсудить последствия случившегося и наши дальнейшие шаги.

— Мистер Форд просил передать, что вы задолжали ему партию в вист, — вспомнила я. Бентли едва слышно хмыкнул.

— Форд верен себе, — пробормотал он, глядя в окно на проплывающие мимо фасады Мейфэр. — Всегда помнит о своих взятках.

У моего дома он попрощался, сославшись на неотложные дела в Уайтхолле, и карета покатила дальше. Мы с Финчем остались на тротуаре, и я не успела сделать и двух шагов к парадному, как дверь распахнулась, являя миру то, что миссис Грант назвала бы «приличным беспорядком», а я стихийным бедствием.

Миссис Грант застыла на верхней ступени, сцепив пальцы на белоснежном фартуке. Её глаза были пугающе красными, а лицо каменным, как у изваяния скорби, пока она не увидела меня. Рядом Мэри — бледная, с растрепанными локонами, которые выбились из-под чепца, — всхлипнула так громко, что Норт, стоявший за её спиной, вздрогнул и поспешно отвел глаза.

И посреди этого домашнего караула возвышался герцог Кларенс. Он не стал ждать, пока я поднимусь. Он шагнул навстречу, прежде чем я успела открыть рот, и сгрёб меня в охапку с такой бесцеремонной силой, что у меня в груди что-то хрустнуло.

— Черт побери, леди Сандерс! — пророкотал он мне прямо в ухо, едва не сбив с головы остатки моей прически. — Я уж думал, мне придется брать этот проклятый Ньюгейт приступом!

Он отстранился так же внезапно, как и обнял. Оглядел меня коротким, оценивающим взглядом, так капитан осматривает судно, вышедшее из тяжелого шторма.

— Жива, цела, на плаву. Хорошо. — И тут же без тени светской грации, добавил: — Я Форду проиграл дюжину бутылок старой мадеры. Ставил на то, что этот сухарь продержит вас до полудня, просто чтобы досадить мне.

Он нахлобучил шляпу, стискивая в кулак кожаную перчатку с такой силой, будто готовился к драке.

— Раз вы дома, я откланиваюсь. Мисс Мэри, присмотрите за хозяйкой, она выглядит так, будто её переехал почтовый дилижанс!

Когда карета герцога, громохочая, скрылась за углом, воцарилась странная, звенящая тишина. Финч, до этого момента старавшийся слиться с кирпичной кладкой дома, негромко произнёс:

— После того как я известил лорда Бентли, я счел своим долгом написать и Его Высочеству. Он ваш деловой союзник, и я надеялся... — он замялся, глядя на свои начищенные ботинки. — Я не рассчитывал, что он примет это с таким... рвением.

— Он помог, мистер Финч, — сказала я, глядя на своего помощника. — Помог так, как умеет только он. Благодарю вас. За всё, что вы сделали ради меня.

Финч густо покраснел, неловко поклонился, вручил Джейн одеяло и накидку и поспешил прочь. Я смотрела ему вслед и думала о том, что настоящие столпы моего мира — это те, кто всегда оказывается рядом в самую темную минуту.

Лишь когда он скрылся из виду, я обернулась к дому.

Миссис Грант по-прежнему стояла у крыльца, сложив руки на белоснежном фартуке, и ждала с тем лицом, которое она умела держать в любых обстоятельствах: ровным, невозмутимым, хотя глаза выдавали её с головой.

— Миссис Грант, — сказала я, — благодарю вас, ваша поддержка была весьма кстати. И передайте, пожалуйста, мою благодарность Бриггсу.

Она кивнула и немедленно повернулась к Джейн:

— Воду для ванны. Живо.

Джейн исчезла в доме, и через мгновение они обе скрылись за дверью. Мы с Мэри тоже поспешили следом. Я кожей чувствовала, как вести о моём возвращении уже летят по Кинг-стрит, обрастая нелепыми подробностями с каждым шагом, и меньше всего мне хотелось стать предметом обсуждения для лакеев из соседних особняков.

— Миледи, подать чай в малую гостиную? — осведомилась миссис Грант, едва я переступила порог. Она уже забирала мой ридикюль, возвращая дому привычный ритм.

— Да, будьте добры.

Пока наверху Джейн и юный помощник с грохотом возились с вёдрами, я прошла в гостиную. Мэри тенью проследовала за мной. Устроившись на диване, я взяла фарфоровую чашку, которую миссис Грант поставила передо мной, отпила горячий, крепкий чай, именно такой, какого не хватало в холодной камере Ньюгейта, и спросила:

— Мэри, я не видела Дика. Он не вернулся?

— Нет, миледи. — Она помолчала секунду.

— Как появится, скажи, что хочу видеть.

— Да, миледи. — Мэри чуть помедлила, потом добавила: — Про вас написали в газетах. Про арест. И писем пришло много.

— Принеси.

Она принесла стопку писем, перевязанную тонкой бечёвкой, поставила на столик и вернулась в кресло. Я же, развязав узел, начала их бегло просматривать, и с каждым вскрытым листком гостиния наполнялась ароматом изысканного предательства. Это были те же руки, которые ещё неделю назад выводили моё имя со лстивым придыханием, зазывая на чай, конные прогулки или закрытые музыкальные вечера.

Миссис Прю извещала на плотном велене, что «внезапное и прискорбное нездоровье в кругу домочадцев» вынуждает её отложить чайный приём на неопределённый срок. Леди Гилл, чьё письмо было запечатано опасно-тонким слоем воска, «глубоко сожалела, что нынешние обстоятельства диктуют ей крайнюю осмотрительность в выборе светских знакомств». Ещё несколько конвертов в том же духе — безупречный почерк, каллиграфические росчерки и ледяная вежливость, которая бьёт наотмашь именно потому, что прячется за маской благопристойности.

Я читала эти строки, чувствуя на пальцах шероховатость дорогой бумаги, и усмехалась. Именно этого и следовало ожидать от людей, чья дружба весила ровно столько, сколько стоила чужая репутация. В Лондоне добродетель была товаром, а мой арест мгновенно обрушил цену на всё, что было связано с именем леди Сандерс.

— Миледи, — осторожно подала голос Мэри, — вам неприятно?

— Ничуть, Мэри. Напротив, это весьма экономит время. Теперь я точно знаю, чьи приглашения мне более не доведется вскрывать.

Мэри поджала губы, едва сдерживая улыбку, а я потянулась к последнему конверту.

Дорогая бумага с тисненым вензелем, который я узнала бы и с закрытыми глазами. Графиня Уэстморленд писала лаконично, без натужных предисловий. Она выражала надежду, что это письмо застанет меня уже в кругу домашних, а «досадное недоразумение» осталось в прошлом. Ни единого слова об аресте, ни тени сомнения — просто *«жду вас у себя, как только ваши силы позволят нанести визит»*, словно последние сутки были не более чем затянувшейся грозой, не стоившей упоминания.

Я сложила письмо и некоторое время держала его в ладонях, чувствуя пальцами безупречную гладкость бумаги. Такая поддержка стоила дороже любых клятв. Вот она пропасть между случайными знакомцами и истинными союзниками. И обнаруживается она именно тогда, когда мир вокруг тебя начинает рушиться.

Ванна была готова к тому времени, как я осушила чашку. Я поднялась к себе, разделась и без сожаления бросила на стул платье от мадам Лефевр. Тонкий шёлк, ещё вчера казавшийся

верхом изящества, теперь был пропитан вонью Ньюгейта и холодом Боу-стрит; он казался мне чужим, ядовитым, чем-то, от чего нужно избавиться прежде, чем зараза проникнет под кожу.

Я шагнула в воду. Горячая волна обожгла плечи, и я замерла, почти не дыша, пока тело не привыкло к жару. Я смывала с себя тюрьму: едкий запах гари, сырость камня и унижительное ощущение чужих рук, проверявших каждый шов моей одежды. Тёрла кожу с яростью, которой не было иного выхода, до красноты, до боли, пока не почувствовала, что снова принадлежу самой себе.

После я долго, почти механически расчёсывала волосы, глядя на своё отражение. Из зеркала на меня смотрела незнакомка: бледная, с резкими тенями под глазами, в которых застыла холодная решимость...

За обедом я хранила молчание, раскладывая в голове произошедшее. С Бентли всё обстояло в рамках «положение обязывает»: я оказала ему услугу с земельным иском, он вернул долг с лихвой. Люди его круга дорожат репутацией человека, который платит по счетам чести, здесь нет места сентиментальности, только сухой расчет и правила игры. С Кларенсом и того проще: я его финансовый тыл, а свои вложения Его Высочество привык защищать со всем пылом королевской крови.

Но Гренвиль... Гренвиль оставался уравнением с одними неизвестными. Никакой очевидной выгоды, никакого политического веса в спасении вдовы виконта. Я перебирала мотивы, отбрасывала их и возвращалась снова, пока не осознала: я ищу логику там, где её, возможно, и вовсе не было. И это пугало сильнее всего, теперь я была должна человеку, который ничего не просил и ничего не объяснил.

После обеда я укрылась в кабинете, намереваясь ответить на письма, но не успела обмакнуть перо в чернильницу. В дверь робко поскреблась Джейн. По тому, как она переминалась с ноги на ногу, косясь за плечо, стало ясно: у меня гостья, не знающая слова «позже».

— Миледи, прибыла леди Уилкс... я хотела лишь доложить, но она уже...

Джейн недоговорила. Леди Уилкс возникла за её спиной. Охая, она бесцеремонно оттеснила горничную плечом и заключила меня в объятия столь порывистые, что её шляпка съехала набок, а длинное страусиное перо угрожающе качнулось у моего глаза.

— Боже мой! — выдохнула она мне в плечо. — Боже мой, Катрин! Я едва не лишилась чувств. Всю ночь посылала лакея узнавать новости, миссис Грант твердила, что сведений нет... Я уже вообразила самое скверное!

— Я здесь, — глухо отозвалась я, высвобождаясь. — Всё позади.

— Позади? — буркнула она, оглядывая меня с придирчивостью, с какой антиквар осматривает вещь, вернувшуюся из сомнительного ремонта. — Бледность мертвенная, под глазами синева... И это вы называете «позади»?

Она поправила шляпку и с достоинством опустила в кресло.

— Рассказывайте. Немедленно.

— Леди Уилкс, — я принужденно улыбнулась, — может быть, сначала чаю?

— Джейн! — не оборачиваясь, скомандовала она в сторону двери. — Чай! И чего-нибудь подкрепить!

Едва шаги Джейн стихли, леди Уилкс сложила руки на коленях с видом человека, который намерен осаждать эту крепость до победного конца.

— Обвинения были надуманными, — начала я. — Благодаря мистеру Форду выяснилось, что Колин был слишком пьян. Он просто запнулся и неудачно упал.

Леди Уилкс воззрилась на меня, поджав губы.

— Боже... впрочем, я не удивлена. Его пагубные страсти должны были рано или поздно привести к трагедии. — Она поправила перчатку. — Но что творилось в свете, Катрин! Про ваше имя в утренних листках выдумали такое, что любой романист позеленел бы от зависти. — Её взгляд упал на стопку писем. — Это что? Свидетельства людского малодушия?

— Отказы от визитов, — усмехнулась я. — Весьма своевременная чистка списка знакомств.

— Позвольте. — Леди Уилкс бесцеремонно протянула руку, и я отдала ей стопку. Она принялась перебирать конверты, и по её лицу скользило то, что у других сошло бы за злорадство, но у неё было высшим проявлением справедливости.

— Миссис Прю. Ха! Эта дама зазывала вас лишь для того, чтобы хвастать связями с «деловой леди». Туда ей и дорога. — Она отбросила конверт. — Леди Гилл... Муж в долгах по уши, она надеялась на ваш кошелек, а теперь испугалась тени Ньюгейта. Не велика потеря.

Она замерла над следующим письмом.

— А вот это уже любопытно. Лорд Прайс отказывает вам в охотничьем завтраке? Тот самый Прайс, который три года назад сам едва не угодил на скамью подсудимых за махинации с акциями Ост-Индской компании? Какая короткая память у этого господина.

Джейн внесла поднос. Чайник, две чашки, рядом на блюде золотилось миндальное печенье, к которому леди Уилкс тотчас потянулась. Она отпила глоток, одобрительно прикрыла глаза и, едва поставив чашку на блюдце, продолжила:

— Завтра же вы должны нанести визит графине Уэстморленд. Она писала вам?

— Да. Ждёт в любое удобное время.

— Значит, завтра утром, — голос её не предполагал возражений, в нём проснулась воля фельдмаршала перед решающей битвой. — После подобного скандала нужно явиться свету без промедления. Дать понять, что вы живы, в здравом уме и намерены продолжать. Те, кто сегодня прислал вам трусливые отказы, через неделю забудут их содержание, едва увидят, что графиня Уэстморленд по-прежнему открывает вам двери своего дома. Наше общество удивительно гибко в своих убеждениях, дорогая, когда речь идет о тех, кто в фаворе у сильных мира сего.

— Вы циник, леди Уилкс, — заметила я, улыбнувшись.

— Я реалист, — поправила она, нисколько не обидевшись. — Циник ищет в людях худшее. Реалист видит их такими, каков мир вокруг них, и не тратит драгоценное время на разочарования.

Она потянулась за вторым печеньем, рассеянно кроша его на блюдце.

— Кстати, дорогая, пока вы... отсутствовали, леди Сент-Джон успела заказать себе платье такого невообразимого канареечного цвета. А миссис Торп, представьте, всерьез уверяет всех, будто её младшая дочь заговорила на латыни после того, как её напугал садовник.

Я слушала её и чувствовала, как напряжение последних часов окончательно отпускает. Этот поток светской чепухи, нелепые сплетни о платьях и дочерях — всё это было таким привычным, таким незыблемым, что Ньюгейт начал казаться лишь дурным сном.

— И посмотрите на это небо, — она кивнула на окно, за которым июньское солнце внезапно скрылось за тяжелым серым облаком. — Снова собирается дождь... ничего не меняется, Катрин, и в этом наше спасение.

Она допила чай одним решительным глотком и поднялась. У порога она на мгновение задержалась, окинув меня внимательным, почти материнским взглядом, в котором на секунду промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— А теперь вам необходим отдых, — распорядилась она тоном, не терпящим возражений. — Завтра вам понадобится всё ваше самообладание.

Она ушла так же стремительно, как и появилась, оставив после себя пустую чашку и то особое ощущение, которое всегда следовало за её визитами: мир вокруг меня снова казался организованным, понятным и вопреки всему вполне пригодным для жизни.

Глава 3

После ухода леди Уилкс я некоторое время сидела за секретером, пытаюсь разобрать почту и ответить хотя бы на пару писем. Но перо лежало в руке мёртвым грузом, строчки расплывались, и я поняла, что написала одно и то же предложение дважды, прежде чем это заметила.

Отложив перо, я откинулась на спинку кресла и уставилась в окно, думая о странном исчезновении Дика. Допустить, что он меня предал, мне не хотелось не потому, что я была наивна, а потому что знала людей его породы: они могли быть грубы, упрямы, неудобны, но предавали редко и обычно по очевидным причинам, которые можно было разглядеть заранее. Дик таких причин не имел, я платила ему справедливо, держала слово, не унижала. Но исчезновение всё же требовало объяснения, которого у меня пока не было.

Далее мысли сами собой переползли к допросу, и здесь тоже было о чём подумать. Магистрат знал удивительно много для человека, который занялся этим делом в день смерти Колина. Сцена у особняка леди Мельбурн — понятно, там было достаточно свидетелей, половина улицы слышала, как Колин орал у парадного входа. Но то, что произошло на приёме у леди Джерси, то, как он схватил меня за руки и как я его ударила, это видели единицы, и магистрат тем не менее знал и об этом. Кто донёс? Те две дамы, стоявшие неподалёку и потом, судя по всему, растрезвонившие всему Лондону? Вполне возможно. Но на приёме у леди Джерси было много людей, и среди них вполне мог оказаться кто-то, кто не просто сплетничал, а целенаправленно собирал свидетельства против меня. Кто-то, кому нужна была именно эта история, кто-то, кто уже тогда готовил почву...

Громкий крик птицы за окном прервал эти размышления. Я одним глотком допила холодный чай, поставила чашку на блюдце и взяла колокольчик.

Джейн явилась почти мгновенно, дежурила за дверью, не иначе.

— Скажи Норту, чтобы закладывал карету. Через двадцать минут выезжаем.

Она кивнула и исчезла, а я поднялась и пошла наверх переодеваться. Как бы мне ни хотелось сейчас лечь и не двигаться до следующего утра, я всё ещё была женой Колина Сандерса — юридически, формально, перед законом и церковью, пусть и разлучённой по решению суда. Развод «от стола и ложа» не расторгал брак полностью, он лишь разрешал нам жить раздельно, не давая при этом права на новый союз. Колин мог умереть тысячу смертей, и я всё равно оставалась его вдовой, а не свободной женщиной, и это означало обязательства. Тело нужно было забрать. Похороны — организовать. И сделать всё это следовало так, чтобы Лондон не получил лишнего повода для разговоров, которых и без того хватало.

Поднимаясь по лестнице, я невольно подумала о похоронах и о том, во что они обойдутся. Маменька умела говорить о смерти с той же деловитой обстоятельностью, с которой говорила о меню парадных обедов, словно погребение было ещё одним светским мероприятием, которое нельзя провести кое-как. Особенно памятны были похороны отца, маменька тогда руководила всем лично, с карандашом в руке и списком в другой, а я должна была стоять и слушать, как она диктует гробовщику требования с той же интонацией, с какой диктовала меню на Рождество.

Плакальщики у входа — непременно не меньше двух, в чёрных одеждах, с жезлами, обмотанными крепом, молчаливые, как изваяния, иначе соседи скажут, что пожалели денег. Гроб тройной: деревянный внутри, далее свинцовый для сохранности, снаружи дубовый или красного дерева, с бархатной обивкой и серебряными накладками с гербом. Катафалк с четвёркой вороных в страусиных перьях, чем больше перьев, тем выше статус, и на перьях не экономят. Отпевание в приходской церкви, потом семейный склеп.

Всё это стоило денег. Денег немалых и денег, которых у Колина, судя по его кредиторам, не осталось вовсе.

Впрочем, здесь маячило одно неожиданное утешение, и я поймала себя на том, что думаю об этом почти с облегчением, что само по себе было несколько неловко. Отец, торопясь в своё время заполучить титул, согласился на все условия Колина, в том числе на отсутствие брачного соглашения. Двадцать тысяч фунтов моего приданого перешли виконту без каких-либо ограничений. Ещё пару дней назад это казалось мне катастрофой. Теперь это была защита: по закону эта сумма стала его деньгами с момента венчания, а значит, его долги тоже только его. Кредиторы могли являться только к наследнику, описывать имущество, судиться с управляющим, снимать картины со стен на Керзон-стрит, но в мой карман им было не залезть.

Маменька, узнай она об этом, наверняка нашла бы способ представить случившееся как собственную предусмотрительность. Я едва не улыбнулась и двинулась по коридору к своей комнате, когда сзади послышались шаги, меня догнала Мэри.

— Миледи, вы куда-то едете?

— К коронеру. Нужно забрать тело Колина и организовать похороны.

— Можно мне поехать с вами?

— Да, конечно, — сказала я. — Только переоденься.

Она кивнула, и мы разошлись каждая в свою сторону.

Совсем чёрного платья у меня не было, и, поразмыслив, я решила, что это к лучшему. Вдова была обязана носить глухой чёрный траур не менее года — чёрный креп, чёрные перчатки, чёрный чепец, никаких украшений, кроме траурной броши. Но я не была вдовой в обычном смысле, и весь Лондон это знал. Явиться в глухом чёрном значило изображать скорбь перед публикой, которая прекрасно понимала, что скорби нет, а это было хуже лжи, это была ложь очевидная и потому вдвойне оскорбительная. Слишком яркое, напротив, выглядело бы вызовом: вот, мол, рада. Серый говорил ровно то, что нужно: обязательства признаны, приличие соблюдено, притворства нет. Именно это Лондону и следовало увидеть.

Платье из Роксбери-холла — тёмно-серый шерстяной креп, строгий лиф, никаких украшений — подходило идеально. Я надела его, взяла тёмные перчатки и поглядела на себя в зеркало. Вдова, которая не изображает убитую горем... сойдёт.

Норт подал карету ровно через двадцать минут. За окном тянулись улицы — Кинг-стрит, потом Стрэнд, потом поворот к Олд-Бейли. На углу торговец пирогами надрывался, расхваливая свой товар, двое мальчишек гнались за собакой, у аптеки стояла карета с опущенными шторами.

Контора коронера располагалась в неприметном здании неподалёку от Олд-Бейли — потемневший от копоти кирпич, узкие окна, за которыми едва угадывалось движение, и вывеска, столь лаконичная, что она скорее отпугивала, чем приглашала. Здесь царила давящая тишина, которая бывает лишь в местах, где смерть становится предметом канцелярского учета. Норт остался у экипажа, придерживая лошадей, а мы с Мэри зашли в здание.

Коронер пожилой, сухощавый джентльмен в изношенном сюртуке, при нашем появлении вскочил так поспешно, что едва не перевернул чернильницу.

— Добрый день. Я леди Сандерс, прибыла, чтобы распорядиться о теле моего покойного мужа, виконта Сандерса.

При этих словах бедняга заметно смутился. Его взгляд заметался по столу, и он принялся перекладывать листы гербовой бумаги с нарочитой тщательностью, с которой люди пытаются скрыть крайнее замешательство.

— Миледи... — он запнулся, так и не решившись взглянуть мне в лицо. — Видите ли... распоряжения относительно тела виконта уже отданы. Не более получаса назад прибыл джентльмен... некий мистер Сандерс. Он представился ближайшим родственником и законным наследником титула.

— Вот как? И где же сейчас находится этот... наследник?

— В кабинете в конце коридора, миледи. Он как раз завершает формальности.

— Благодарю, — отрезала я и направилась вглубь здания, не дожидаясь ни его разрешений, ни провожатых. Позади я услышала растерянное сопение коронера, но мне было не до приличий.

Дверь оказалась незапертой. Я отворила её без стука, и звук моих шагов по каменному полу заставил мужчину, стоявшего у окна, обернуться. Несколько секунд он молча разглядывал меня, и в его взгляде читалось недоумение человека, внезапно прерванного в минуту глубоких раздумий.

— Добрый день, — произнесла я, замирая в дверях. — Я Катрин Сандерс.

Он ответил коротким, но безупречным по форме поклоном.

— Генри Сандерс, — голос его был глубоким и ровным, без тени той светской приторности, которую я привыкла слышать в Лондоне. В его светлых глазах на мгновение мелькнула вспышка — то ли искреннее удивление, то ли облегчение, — но он мгновенно взял себя в руки. — Леди Сандерс... я полагал... то есть, мне сообщили, что вы... пребываете в стесненных обстоятельствах. Вас освобод...

Он осекся, явно осознав, что вопрос о моем выходе из тюрьмы звучит в высшей степени неловко в данных стенах.

— Как видите, все переменялось, — произнесла я, слегка склонив голову, словно моё освобождение из Ньюгейта было лишь досадным пустяком, не стоящим долгого обсуждения. — Дознание завершено. Рана на затылке Колина признана следствием несчастного случая, и магистрат не нашел причин задерживать меня далее.

— Понимаю, — Генри на мгновение отвел взгляд, изучая носки своих идеально начищенных сапог. — Примите мои... соболезнования. Нам не довелось встретиться ранее... моё отсутствие на вашем бракосочетании было вызвано некоторыми семейными затруднениями, — на этих словах его голос стал суше. — Рад нашему знакомству, леди Сандерс, хотя и глубоко опечален столь мрачным поводом для него.

— Взаимно, сэр, — ответила я коротким кивком. — Вы давно в Англии?

— Около недели, — он чуть помедлил, поправляя обшлаг сюртука. — Дела, не терпящие отлагательств, задержали меня, и я, к глубочайшему прискорбию, не успел навестить Колина прежде, чем... — он сделал паузу, подбирая слово, — прежде чем случилось непоправимое. Когда я, наконец, прибыл на Керзон-стрит, управляющий уже ввел меня в курс печальных дел.

— Значит, управляющий был уведомлен о вашем визите заранее? — я задала вопрос легко, словно между прочим, но не сводила с него глаз.

— Разумеется. Я направил ему письмо из Бристоля, извещая о своем намерении навестить двоюродного брата. — Он выдержал мой взгляд, не проявив ни тени замешательства. — Письмо находилось в пути три дня. К тому моменту, как я переступил порог дома, Колина уже не было в живых.

Я склонила голову, принимая этот ответ, хотя в уме уже лихорадочно пересчитывала дни. Три дня из Бристоля. Письмо, которое ждали. Управляющий, готовый к встрече. Всё выглядело безупречно и именно поэтому вызывало подозрение.

— Насколько я понимаю, вы намерены взять на себя организацию погребения? — спросила я.

— Это мой прямой долг как главы семьи и наследника, — в его голосе прозвучала твердость, не допускавшая возражений. — Учитывая время года и... обстоятельства кончины, я распорядился отправить тело в Кент сегодня же. Отпевание состоится послезавтра в нашей приходской церкви, а погребение в семейном склепе последует незамедлительно. — Он замолчал, изучая мое лицо. — Если вы сочтете возможным присутствовать на службе, леди Сандерс, я буду искренне рад вас видеть. Что же касается кладбища...

— Посещения церкви будет вполне достаточно, — перебила я его мягко. — Благодарю вас.

Генри кивнул. На мгновение между нами повисла тишина, наполненная запахом пыли и старых чернил. Затем он заговорил снова, и в его тоне появилась сухая беспристрастность, за которой люди его склада обычно прячут истинные намерения:

— Управляющий ознакомил меня не только с состоянием счетов виконта, миледи. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Колин был... сложным человеком. Далеко не мне упрекать вас в чем бы то ни было. Напротив. Смею сказать, я нахожу ваше решение единственно верным. Подумать только, ваша собственная сестра... какая низость.

Он неожиданно произнес это без приторного сочувствия, без той фальшивой интонации, за которой светские дамы прячут злорадство. Это была просто констатация факта, признание моей правоты, брошенное без украшений.

— Благодарю вас, сэр. Значит, встретимся послезавтра в Кенте.

— Безусловно. Позвольте мне прислать за вами экипаж? Путь неблизкий, а в нынешние сроки вам будет удобнее воспользоваться надежной каретой.

— Благодарю, но у меня есть собственная карета, — ответила я, восстанавливая привычную дистанцию.

Мы обменялись вежливыми, формальными поклонами — той мерой учтивости, которая не обещает тепла, но гарантирует уважение. Я вышла в коридор, где Мэри, прислонившись к стене, с самым невинным видом изучала трещины на оконном переплете.

В карете я молчала. Норт вёл лошадей ровно, и привычный шум Лондона: выкрики торговцев на Флит-стрит, грохот телег на Стрэнде, казался теперь чем-то далеким, отделенным от меня толстым стеклом. Все мои мысли были заняты Генри Сандерсом.

Неделя в столице. Письмо управляющему из Бристоля. Дела, которые якобы не позволили ему навестить кузена раньше... Весь его приезд выглядел как шахматная партия, распланированная на несколько ходов вперед. Совпадение? Возможно. Но в моём мире за совпадениями слишком часто скрывался чей-то холодный расчет. Титул, родовое поместье, пусть и обложенные долгами... в Новом Свете старых титулов не наживают. А обиды младшей ветви рода, которую десятилетиями держали на задворках, не смываются даже океанской водой.

Впрочем, в Кенте будет возможность понаблюдать за ним в домашней обстановке. Торопиться с выводами не стоило. Генри производил впечатление человека прямого, лишённого той изнуряющей светской мишуры, от которой я так устала, но именно эта прямота могла оказаться его самым опасным оружием...

Дорога домой заняла около получаса, Лондон в этот час был оживлён и шумен, на Флит-стрит пришлось тащиться в хвосте длинного обоза с бочками, а у моста через Темзу Норт свернул в объезд, потому что впереди что-то случилось, и толпа загрохотала въезд.

Наконец, остановившись у дома на Кинг-стрит, я вышла из кареты, с удовольствием почувствовав под ногами знакомые ступени крыльца. На пороге, как всегда, меня ждала миссис Грант.

— С возвращением, миледи. Привезли заказ от мадам Лефевр. Джейн уже распорядилась, платье в вашем гардеробе.

Я лишь кивнула, проходя в холл. Сейчас шелка и кружева мадам Лефевр интересовали меня меньше всего, но порядок в доме возвращал чувство контроля.

Поднявшись в кабинет, я взяла лист плотной бумаги и набросала ответ графине Уэстморленд — лаконично, как того требовали приличия, но с долей искренней признательности. Сообщила, что буду счастлива нанести визит, однако вынуждена просить о краткой отсрочке, так как семейный долг призывает меня в Кент. Запечатала письмо каплей воска, прижала печать и позвала Томаса.

Рыжие вихры, веснушки и слишком большой картуз возникли в дверях через мгновение.

— На Гросвенор-сквер, Томас, — я протянула ему конверт. — Передай лично дворцовому графине. Ответ не потребуется.

— Слушаюсь, миледи! — малый лихо дернул головой и исчез, только каблуки его башмаков простучали по лестнице.

Затем я отдала распоряжения Джейн относительно саквояжа. Она кивнула, присела в коротком книксене и, прежде чем уйти, положила на край стола стопку писем, прибывших с вечерней почтой. Сверху лежал пухлый конверт с кентским штемпелем. Маменька.

Я сломала печать, и по кабинету тотчас поплыл едва уловимый запах лаванды.

«Дорогая моя Катрин!

Спешу поделиться с тобой нашей радостью — Лидия наконец-то обрела своё счастье! Она обвенчалась с мистером Грантэмом, и я не могу нарадоваться на этот союз. Они уже отбыли на север, и я, признаться, совсем затосковала в опустевшем доме. Написала леди Баркли, и она неожиданно пригласила меня на чай.

Конечно, она всё выясняла о тебе, но я отвечала уклончиво, ведь у неё и своих забот хватает: её младшая дочь, Эмили, в конце концов, выскочила замуж за того лейтенанта, о котором в прошлом году так много шептались. Подумать только, ни гроша за душой, зато какие усы! Все в Кенте только об этом и говорят. А старый полковник Тэтчер окончательно лишился рассудка и скупил всех кур в округе, утверждая, что они шпионят в пользу французов. Бедная миссис Тэтчер в отчаянии в доме теперь пахнет как на птичьем дворе.

Что касается нашего поместья, то Эдвард затеял ремонт в оранжерее. Траты, конечно, ужасающие — стекло нынче дорожает с каждым днём из-за этого налога, — но он говорит, что для наших мануфактур настают великие времена, и мы можем себе это позволить. Брат, к слову, отзывается о тебе с таким почтением, какого я от него прежде не слышала.

Жду тебя с нетерпением, дорогая! Комнаты уже проветривают, и я велела Луису приготовить твоё любимое печенье к твоему приезду. Приезжай скорее, нам так много нужно обсудить!»

Я медленно сложила письмо, чувствуя, как в горле запершило от горького смеха. Матушка превратила позорную ссылку Лидии в «удачный брак» и, судя по двум страницам мелкого убористого почерка, искренне в это верила.

Ни слова о том, что произошло на самом деле. Ни слова о том, что Лидия разрушила чужой брак и уехала в Нортумберленд лишь для того, чтобы скрыться от последствий собственного бесчестия. В мире матушки существовали только радость за младшую дочь, сплетни о соседях и приглашение приехать.

Удивительно удобное отношение к происходящему. Порой мне казалось, что миссис Морган намеренно изображает себя недалекой, возводя стену из мелких бытовых забот и светской чепухи, лишь бы превратности судьбы не вывели её из равновесия. Она годами оттачивала это искусство самообмана, превращая любую катастрофу в «досадное недоразумение», а любой позор — в «неожиданную удачу». Жить в таком коконе было, должно быть, очень спокойно, но цена этого спокойствия была высока — полное отсутствие связи с реальностью...

Мои размышления прервал негромкий стук, дверь открылась и в кабинет заглянула Мэри.

— Миледи, ужин подан.

Стол был накрыт по всем правилам, которые миссис Грант соблюдала с непоколебимым упрямством. В центре в фарфоровой супнице дымился белый суп — нежный, на крепком телячьем бульоне со сливками и тонким ароматом миндаля. Рядом, на серебряных блюдах, уже ждали своего часа язык в каперсном соусе, нарезанный лепестками, и холодный пирог с голубятиной, который Бриггс пёк по своему секретному рецепту. На краю стола, на отдельной доске, расположились сыры — честерский и стилтон, — и белый хлеб, ещё хранивший тепло печи.

— Миссис Грант, передайте мою похвалу Бриггсу. Всё превосходно.

Она чуть наклонила голову и вышла, а я взяла ложку и вдруг поняла, что голодна по-настоящему — не просто «надо поесть», а именно голодна, как бывает после долгого дня, в котором не было ни минуты покоя.

Мы ели в уютном молчании, прерываемом лишь мерным тиканьем напольных часов в холле. Наконец, Мэри отложила приборы и раскрыла свою неизменную тетрадку с записями.

— Мисс Эббот прислала записку, — начала она. — На пивоварне всё спокойно. Уборка в солодовне идет полным ходом, выгребают всё до последнего зернышка, чтобы ни следа плесени не осталось.

— А что с оборудованием? Хэнкок успел разместить заказы?

— Да, миледи. Новые столы для разделки уже в работе, как и сита. Мисс Эббот заказала ножи из лучшей стали, по две дюжины на смену, чтобы работа не вставала из-за заточки. И ещё сегодня приняли пятерых. Крепкие ребята из Бермондси, с хорошими рекомендациями. Мисс Эббот говорит, что в деле они смыслят и лишних вопросов не задают.

— Отлично. — Я помолчала секунду, потом добавила: — Мэри, завтра ты едешь со мной в Кент.

Она чуть приподняла брови, но промолчала, ожидая объяснений.

— В Роксбери-холле теперь будет находиться посторонний мужчина, — произнесла я. — Я не намерена давать Лондону повод для пересудов, оставаясь с ним под одной крышей. Ночевать в поместье мы не будем — остановимся у моего брата Эдварда, так будет и приличнее, и разумнее. Но твоё присутствие необходимо.

— Понимаю, миледи, — произнесла Мэри и, чуть помедлив, робко спросила, — я могу зайти к матери?

— Конечно, — я слегка улыбнулась. — А завтра перед выездом мы заглянем в лавку тканей на Стрэнд. Выберем для неё отрез хорошей шерсти или, может быть, новый чепец.

— Вы так добры к нам, миледи, — Мэри шмыгнула носом, поспешно пряча глаза в чашке с чаем. — Мама будет просто счастлива.

После ужина, когда дом окончательно погрузился в тишину, я поднялась к себе. Переоделась в ночную сорочку и легла поверх одеяла, надеясь, что провалюсь в сон мгновенно, едва голова коснется подушки. Но сон не шел. Стоило закрыть глаза, как в темноте начали всплывать лица и обрывки разговоров, которые я безуспешно пыталась упорядочить весь вечер. Смерть Колина и тот, кому она была выгодна; наследник титула, возникший из ниоткуда с пугающей своевременностью; затянувшаяся тишина со стороны Дика... Эти мысли кружились, придавливая меня не хуже тяжелого одеяла. Я пыталась нащупать логику в приезде Генри, в его сухой прямоте и в этом письме из Бристоля, которое шло ровно три дня, словно выжидая удобного момента. Всё выглядело слишком гладким, чтобы быть правдой.

И когда я почти погрузилась в долгожданную темноту, её разорвал негромкий, настойчивый звук, что я мгновенно села на постели.

— Войди.

Миссис Грант скользнула в комнату, плотно притворив за собой дверь. Её лицо в неровном свете догорающей свечи казалось мертвенно-бледным.

— Прошу прощения за беспокойство, миледи. Только что через заднюю дверь пришел Дик. Я сочла нужным доложить немедленно. Он ранен, миледи.

Глава 4

Комната Дика располагалась на первом этаже, в самом конце коридора, примыкавшего к кладовым. Здесь было заметно холоднее, а тени казались густыми и почти осязаемыми, словно за десятилетия они впитались в сами стены. Пламя единственного подсвечника в моей руке дрожало от малейшего движения, из-за чего моё собственное отражение превращалось в нелепую, изломанную фигуру, которая то и дело бросалась вперёд, исчезая в темноте дверных проёмов.

Дверь каморки оказалась незапертой. Стоило мне толкнуть её, как тишину дома прорезал короткий всхлип несмазанных петель, прозвучавший в ночном безмолвии неожиданно жалобно.

Дик сидел на самом краю узкой кровати, привалившись плечом к стене. Свет моей свечи неохотно пополз по его фигуре, выхватывая из темноты белизну рубашки, которая на боку потемнела и промокла насквозь, плотно прилипнув к рёбрам. Стоило мне сделать шаг внутрь, как в нос сразу ударил тяжёлый, медный запах свежей крови, мгновенно вытеснив привычный дух воска.

Его лицо в полутьме выглядело скверно: бровь была глубоко рассечена, губа вздулась и лопнула в самом углу, а под левым глазом уже наливался тяжёлый багровый кровоподтёк, обещавший к утру, стать внушительным. Он поднял на меня виноватый взгляд и хрипло пробормотал:

— Не стоило беспокоиться, миледи.

Не отвечая, я поставила подсвечник на стол и подошла вплотную. Теперь к крови примешался запах пота и едкая гарь Саутуорка, которая намертво въедается в одежду. Нагнувшись, я взялась за липкий край рубашки — Дик тотчас невольно дёрнулся, скорее от неловкости, чем от боли, — и решительно задрала ткань вверх.

Рана открылась сразу: около двух с половиной дюймов в длину, края рваные, от ножа или узкого лезвия, прошедшего вскользь по рёбрам. Крови было много, со стороны это всегда кажется хуже, чем есть на самом деле, но она уже начала густеть у краёв и заметно темнеть. Глубины я не увидела, нож не вошёл, а лишь скользнул по кости.

Выдохнув через нос, я распрямилась и взяла со спинки кровати жёсткое, пахнущее целлоком полотенце.

— Прижми, — я сложила ткань вчетверо и силой направила его ладонь поверх раны, ощущая кожей жар его тела и липкую влагу. — Крепко. Вот так.

— Миледи, — просипела миссис Грант из дверей голосом, каким в церкви читают заупокойную, — мне послать за доктором Хоупом? Он живёт на соседней улице, Томас добежит в четверть часа...

— Не надо, — прохрипел Дик прежде, чем я успела открыть рот.

Миссис Грант уставилась на него, и столько немного изумления было в этом взгляде, что я почти пожалела её.

— Дик прав, — сказала я. — Доктор будет задавать вопросы, которые нам сейчас ни к чему.

Обернувшись к ней, я принялась перечислять быстро, пока та не успела возразить:

— Принесите сюда горячей кипячёной воды, таз, чистой ткани побольше, тонкую иглу, шёлковые нити, винный спирт. Всё, что найдётся.

Тишина в тесной каморке натянулась вибрирующей струной.

— Вы намерены зашивать рану сами, миледи? — наконец изумленно выговорила миссис Грант.

— Идите, миссис Грант.

Она ушла, и каблуки её туфель отбивали по каменному полу коридора короткий, очень чёткий ритм — так ходят люди, которым необходимо срочно оказаться как можно дальше, пока они не сорвались на непростительную дерзость.

Я придвинула стул к кровати и опустилась рядом. Дик сидел неподвижно, прижимая полотенце к боку; пальцы его были перепачканы в тёмном, уже начавшем подсыхать багрянце. На столе стоял стакан с водой — Грант, должно быть, поставила его ещё до моего прихода. Я протянула его Дику молча.

Он взял стакан, коснувшись моих пальцев своей горячей, шершавой ладонью. Выпил всё до капли, не морщась, хотя при каждом глотке его грудная клетка двигалась осторожно и скупно, как у человека, знающего точную цену каждому вдоху и каждому лишнему движению.

— Где ты был, Дик?

Он помолчал секунду, глядя на пламя свечи, которое выхватывало из темноты его избитое лицо. Казалось, он взвешивает каждое слово на невидимых весах, прежде чем заговорить.

— Когда констебли с Боу-стрит увезли вас, миледи, я отправился напрямиком на Керзон-стрит.

— К дому Колина.

— Да, к особняку виконта. Прислуга всегда видит больше, чем хочет показывать хозяевам. Я ждал долго, укрывшись в тени соседнего портика. Уже в глубоких сумерках, лакей вышел во внутренний двор — за углем для каминов, кажется. Я зашёл со спины...

— И что же он поведал под таким напором?

Дик чуть сморщился.

— За день до того, когда милорда нашли мёртвым, к нему явился некий мистер Сандерс. Зашёл не через парадный вход, а через заднюю дверь, будто вор или старый знакомый, знающий все ходы. Лакей наткнулся на него случайно в коридоре, тот уже поднимался по лестнице к кабинету. Они заперлись внутри, — Дик сделал паузу, и его кадык дернулся. — Лакей подслушивал у двери. Слышал, как виконт орал. Обзывал гостя ничтожеством, которому наплевать на их общую честь и древний род.

— Хм... странно, — произнесла я медленно, чувствуя, как холод камня Ньюгейта снова напоминает о себе. — Генри Сандерс сказал мне у коронера, что так и не увидел Колина живым. Уверял, что узнал о гибели кузена только от управляющего по прибытии.

Я откинулась на спинку стула и, глядя на причудливо танцующие по стенам тени, принялась медленно перебирать в памяти всё, что мне было известно о внезапно прибывшем в Англию родственнике.

Колин вспоминал о заокеанском кузене крайне редко, раза два за все годы нашего брака. И всякий раз его лицо кривилось, словно от зубной боли или незаживающей мозоли. Младший брат его отца покинул Англию лет тридцать назад, уехав в Америку. Поговаривали о тёмной истории с наследством, о деньгах, взятых из семейного траста без спроса — словом, о позоре, который в приличных семьях принято хоронить под слоем молчания. С тех пор он не возвращался. До Лондона доходили слухи, что он разбогател и водил дружбу с французскими торговыми домами — впрочем, для американца это было не предательством, а просто коммерцией. Их суда возили грузы и в Ливерпуль, и в Бордо, наживаясь на европейской бойне с невозмутимостью людей, которых эта бойня не касается лично.

И до этого момента от младшей ветви Сандерс не было ни одного письма, ни одного визита. И вдруг является Генри, именно сейчас, когда над Колином занесён меч разорения: земли под арестом, иск Бентли грозит пустить его по миру, а кредиторы буквально осаждают парадный вход...

Мои мысли прервал стук каблуков: вернулась миссис Грант. Она принесла всё необходимое: глубокий медный таз, от которого поднимался густой пар, стопку кипенно-белых полотен, уже аккуратно разорванных на ровные полосы — она сделала это сама, предугадав нужду.

Рядом на подносе стояла пузатая бутылка аптекарского винного спирта, тонкая стальная игла и небольшой моток шёлковой нити.

Нить была тонкой и прочной, предназначенной для самых деликатных работ. Откуда в распоряжении экономки в доме на Кинг-стрит взялась такая вещь, я спрашивать не стала. Миссис Грант была из той редкой породы людей, в чьих кладовых всегда находилось именно то, что требовал момент, будь то редкая специя или инструмент для зашивания рваных ран.

— Поставьте здесь, Грант, — распорядилась я, указывая на край стола. — И принесите ещё одну свечу, мне понадобится больше света.

Миссис Грант кивнула и исчезла в тёмном проёме коридора, вернувшись спустя минуту с парой тяжёлых медных подсвечников. Она расставила их так, что круг света расширился, выхватывая из темноты каждую морщинку на лице Дика и зловещий блеск иглы.

Я же, поднявшись, подошла к низкому столику у стены, на котором стоял простой фаянсовый кувшин и глубокая миска — нехитрый скарб, положенный слугам для утреннего туалета. Закатав рукава халата, я велела экономке полить мне на руки. Намылив руки серым мылом до густой белой пены, я тщательно отёрла ладони и пальцы, чувствуя, как щелочь щиплет мелкие царапины. Ополоснув руки под остатками воды, вытерла их чистым краем полотенца, которое подала мне Грант, и только после этого вернулась к кровати.

— Убери полотенце, — сказала я Дикю.

Он послушно отвёл руку. Рана открылась снова, на свету она уже не казалась такой пугающей, как в первые минуты, но по-прежнему требовала предельного внимания. Я взяла кусок чистого полотна, смочила его в горячей воде из принесённого Грант медного таза и принялась осторожно отмывать запекшуюся кровь. Двигалась медленно, от краёв к центру, стараясь не тревожить сгустки раньше времени. Дик сидел смирно, окаменев, и только мышцы его живота судорожно напрягались под моими пальцами при каждом прикосновении.

Смыв грязь, я смогла разглядеть повреждение как следует. Края могли бы срастись и сами, но заживление затянулось бы на недели, оставив после себя широкий, некрасивый шрам. Да и зашить было быстрее и надёжней; так риск воспаления становился значительно меньше, хотя в 1801 году истинную цену стерильности понимала, пожалуй, только я одна.

Приняв решение, я поднесла иглу к пламени свечи и прокалила её докрасна. Затем, дождавшись, пока металл остынет, щедро облила спиртом и саму иглу, и заправленную в неё тонкую шёлковую нить. Затем плеснула остатки спирта себе на ладони и тщательно растёрла его по коже. Резкий, бьющий в нос запах алкоголя на мгновение вытеснил тяжёлый дух крови и гари, создавая вокруг нас с Диком подобие стерильного кокона.

После чего я коснулась смоченной в спирте тканью краёв раны, Дик резко втянул воздух сквозь плотно сжатые зубы и выругался по-флотски — совсем тихо, почти беззвучно, одними губами, — но не шелохнулся.

— Возьми в рот, — я протянула ему плотно свёрнутый кусок полотна. — Покрепче.

Он взял ткань, глядя на меня с нескрываемым изумлением и недоверием, которое он всё же пытался подавить из остатков вежливости. Однако послушно сжал челюсти, фиксируя ткань между зубами, и приготовился терпеть.

Первый стежок оказался самым трудным. Кожа поддавалась совсем иначе, чем ткань — она была живой, плотной и ошутимо пружинила под иглой. Нужно было выдержать правильный угол: войти не слишком мелко, чтобы нить не прорезала край, и не слишком глубоко, захватывая обе стороны равномерно.

Это ощущение пробило брешь в настоящем. На мгновение перед глазами всплыл не тусклый лондонский подсвечник, а низкая лампа в дедовском доме, кухонный стол и окровавленный бок лайки. Тогда нам с ним пришлось туго: бабушка третий день лежала в областной больнице, ветеринара в нашей глуши не водилось, и всё зависело только от нас. Пёс скулил и бился,

пытаясь цапнуть любого, кто прикоснется к распоротому боку, и деду пришлось связать ему морду и лапы, крепко прижав его тело к столу.

— Шей ровно, не мельчи, нитка должна держать! — командовал он, не глядя на меня.

Нитку варили в кипятке — настоящих хирургических в деревне не было, обходились обычной, — и спирт был забористый, самогонный. Я помню, как дрожали руки, как пёс норovil вырваться, но я не плакала. В какой-то момент пришло четкое, ледяное понимание: если я сейчас заплачу и не зашью рану, то Север умрёт. Кто бы мог подумать тогда, что этот жуткий опыт на кухонном столе пригодится мне здесь, в девятнадцатом веке.

Сейчас я тоже действовала механически: проколоть с отступом в четверть дюйма от края, выйти с другой стороны на том же расстоянии, стянуть нить ровно настолько, чтобы края сошлись встык, но кожа не собралась в уродливую складку. Завязать узел дважды, отрезать. Следующий стежок ровно на четверть дюйма от первого и так далее.

Дик не кричал. Он дышал коротко и резко, через нос, с силой кусая полотно, а его пальцы на простыне сжались так, что побелели костяшки, но он не шелохнулся. Миссис Грант стояла за моей спиной каменным изваянием. Я не видела её лица, но слышала её дыхание: очень тихое, почти бесплотное, как у человека, старающегося не мешать процессу, который, кажется, ему сродни опасному колдовству.

Стежков вышло шесть. На последнем я затянула нить и разрежала её ножницами — маленькими, с загнутыми концами, нашедшимися в той же заветной коробке экономки. В завершение я снова щедро облила всё спиртом. Дик на этот раз не выругался — просто зажмурился, пережидая жгучую волну.

— Готово, — сказала я, чувствуя, как в плечах отпускает напряжение.

Он выплюнул промокшее полотно и долго, не мигая, смотрел вниз на аккуратный ряд черных стежков вдоль затянутой раны. Потом поднял взгляд на меня, и в нем было нечто, не поддающееся простому описанию — нечто среднее между глубоким изумлением и новым, только что родившимся и окончательно пересмотренным мнением о своей хозяйке.

— Миледи умеет зашивать раны, — произнёс он, и это не было вопросом, лишь констатацией факта.

— Умею стягивать края кожи, — поправила я его сухим тоном, уже накладывая повязку. — Это разные вещи.

Миссис Грант за моей спиной испустила очень тихий, сдержанный звук. Я обернулась. Она стояла, намертво прижав руки к белоснежному фартуку, и лицо у неё было такое, словно она только что присутствовала при событии, которое ей придется переосмыслить ещё очень и очень долго. Кажется, с этого момента в этом доме леди больше не была просто леди, она была кем-то гораздо более опасным и умелым.

— Миссис Грант, — произнесла я, выпрямляя затекшую спину, — распорядитесь насчет горячего бульона. И велите заварить отвар — ромашку или чабрец.

Экономка молча кивнула и, подхватив окровавленные полотна, вышла из комнаты.

Я взяла чистый лоскут, смочила его в воде, что ещё оставалась в кувшине, и принялась осторожно отмывать разбитую бровь Дика. Он не шелохнулся, не уклонился от прикосновения, смотрел прямо перед собой с отрешенным видом человека, который давно усвоил: сопротивляться воле хозяйки бессмысленно.

— Продолжай, — коротко велела я, промокая кожу.

— Лакей, — заговорил он. — Он рассказал мне про того, кто явился в особняк на Керзон-стрит перед самой смертью виконта. Тот человек назвался посланником от вашего имени, миледи. Лакей не знал его в лицо, но память у малого оказалась цепкая: описал рост, цвет волос, особую манеру чуть сутулиться при ходьбе, будто он постоянно готов к прыжку.

— И что же?

— Мне это описание сразу показалось знакомым. Я отправился в Саутуорк, к Темзе. Есть там одно место... истинный притон для речных крыс, вам о таких подробностях и знать не надобно. Ждал его там. В общем зале он не появился — такие, как он, предпочитают отдельные комнаты с черным ходом. Пришлось... организовать небольшую драку, чтобы выманить его наружу.

Дик осторожно потрогал кончиком языка разбитую, неестественно вздущую губу и поморщился.

— И кого же ты выманил?

— Это Гал. — Дик произнес имя отрывисто, почти без интонации, словно выплюнул горькое зерно. — Если у него и есть фамилия, никто её не знает. Он хитрый, жестокий и очень осторожный человек. Работает тихо, следов не оставляет.

Я промокнула бровь и выпрямилась.

— На кого работает?

Дик промолчал секунду, совсем короткую, едва уловимую, но эта пауза повисла между нами тяжелым грузом.

— На мистера Форда, миледи. На главного магистрата Боу-стрит. Мало кто об этом знает, но мне однажды довелось с ним пересечься, и я запомнил.

— Запомнил, когда тебя обвинили в воровстве и убийстве? — спросила я в лоб, продолжая смывать вьевшуюся грязь и запекшуюся кровь с его лица.

Дик не дрогнул, лицо его осталось каменной маской, только плечи чуть заметнее осели под грузом воспоминаний.

— Вы знаете?

— Магистрат на допросе был весьма словоохотлив. Поделишься?

Он уставился на стену напротив, где в неверном свете свечи дрожали тени. За узким окном стояла глухая лондонская ночь, и тишину нарушал лишь далекий, едва слышный голос ночного сторожа, выкрикивающего час и заверяющего спящий город, что всё спокойно.

— Это было много лет назад, миледи. Тогда я ещё служил на королевском флоте. Мы стояли в далеком порту, за тысячи миль от берегов Англии. Помощник капитана — скользкий был тип, из тех, что за шиллинг мать родную продадут — спрятал в трюме контрабанду. Я не знал, что именно там было, но видел, как грузили тюки под покровом ночи. Когда в порту нагрянул обыск и дело запахло виселицей, он решил подставить меня. Я не стал молчать, полез в драку... — Дик на мгновение замолк, подбирая слова. — Тот неловко упал, приложился головой о рым и больше не поднялся. Капитан тогда за меня встал, понимал, кто прав, а кто виноват. Дело замяли, списали на несчастный случай при шторме. В Англии об этой истории никто не должен был прознать.

— Но магистрат как-то узнал, — добавила я с усмешкой. Пальцы у меня были в липкой, уже подсыхающей крови. Я медленно вытерла их о чистый край полотна, глядя, как белая ткань впитывает багряные пятна, и думала о том, что всё складывалось слишком ладно, чтобы было правдой.

Кто-то поведал магистрату достаточно подробностей обо мне и моем окружении, чтобы у того была веская причина меня арестовать. Кто-то подготовил почву, чтобы потом благородно вытащить меня из Ньюгейта, обставив гибель Колина «несчастливым случаем» с такой аккуратностью, будто исход партии был записан в протоколах Боу-стрит ещё до того, как тело виконта остыло на ковре Керзон-стрит.

Генри Сандерс? Он определенно причастен, он выгодоприобретатель, возникший из ниоткуда точно в срок. Но для такой тонкой интриги с вовлечением магистратуры у него слишком мало связей в Лондоне. А вот Форд... уверена, это полностью в его духе. Главный магистрат Боу-стрит не просто ищейка, он коллекционер обязательств. Выпустив меня, он не про-

сто восстановил справедливость, он купил себе право на мой ответный шаг. Вот только какую игру он затеял на самом деле и какую роль, помимо пешки, он отвел для меня в своей схеме?

— Тот человек... Гал, — спросила я, — он тебя узнал?

— Нет, миледи. Я был осторожен. В драке участвовало много людей, я ушёл в тень до того, как на пристани показались красные жилеты ищек.

— Хорошо.

В дверном проеме бесшумно возникла миссис Грант с подносом, на котором стояли глубокая миска крепкого бульона, от которой поднимался ароматный пар, и кружка с темным, горьковато пахнущим настоем из трав.

— Тебе нужно поесть и отдохнуть, — произнесла я, когда экономка поставила поднос на стол. — Завтра на рассвете я и Мэри уезжаем в Кент. Ты останешься здесь, в Лондоне.

Дик открыл было рот, собираясь возразить, но я встретила его взгляд своим непреклонным. Тот невольно покосился на собственное отражение в темном стекле окна: бледный, избитый, едва держащийся на ногах и медленно закрыл рот, признавая очевидное.

— С нами поедут двое твоих людей, — добавила я, направляясь к выходу. — этого будет достаточно.

Я вышла из комнаты, и миссис Грант бесшумно последовала за мной, прикрыв дверь в каморку Дика. Мы прошли несколько шагов в тишине, прежде чем я остановилась и повернулась к ней.

— Спасибо, миссис Грант... за всё. И тоже идите отдыхать, сегодня был слишком длинный день.

Она коротко, с достоинством присела в поклоне. В тусклом свете подсвечника её лицо на мгновение смягчилось, теряя привычную маску суровости.

— Доброй ночи, миледи, — негромко ответила она и, дождавшись моего кивка, зашагала прочь. Вскоре стук её каблуков по каменным плитам постепенно затих в глубине дома.

Я на мгновение замерла, слушая эту тишину и то, как за дверью едва слышно звякнула миска — Дик принялся за еду.

Снова мысленно возвращаясь к Ричарду Форду. Я вспоминала его оценивающий взгляд, паузы в его речи, что длились на полтона дольше, чем того требовали приличия. Люди его склада — холодные, расчетливые кукловоды с Боу-стрит — никогда и ничего не делают без веской причины. И тот факт, что Гал, цепной пес магистрата, явился в особняк Колина, прикрываясь моим именем, окончательно расставлял фигуры на доске.

Меня подставили с ювелирной точностью лишь для того, чтобы тут же «спасти» и вытащить из петли. Но зачем? Какую цену Форд собирается предъявить к плате за это избавление? Отсутствие ответа раздражало сильнее, чем сам страх...

Я медленно поднималась к себе, стараясь не шуметь. Дом замер, погрузившись в чуткое оцепенение, которое бывает только перед рассветом. Мои шаги по ковровой дорожке лестницы казались оглушительными, а тени от свечи плясали на стенах, напоминая о притаившихся по углам вопросах, на которые у меня пока не было ответов.

В спальню я вошла, когда часы в холле глухо пробили три. Легла сразу, не снимая халата — сил хватило только на то, чтобы сбросить туфли. Даже не успела толком вытянуться на постели, почувствовать прохладу простыней: темнота накрыла сразу, как это бывает после дней, когда тело израсходовало себя до последнего.

Глава 5

Меня разбудил настойчивый стук. Я приподнялась на локте, щурясь от света, что уже вовсю хозяйничал в щелях между шторами, и попыталась понять, который час — судя по широкой полосе солнца, успевшей добраться до середины половицы, было никак не меньше восьми.

— Миледи, — негромко проговорила Джейн из-за двери, — завтрак будет подан через полчаса. Вы просили разбудить.

— Да, иду.

Шаги за дверью стихли. Я ещё с минуту лежала, глядя в потолок, потом всё же встала, подошла к окну и одним рывком одёрнула штору. Утренний свет хлынул в комнату, тёплый и пыльный, пропитанный запахом нагретого дерева и летней сухостью, которая скапливается в спальнях за ночь. Сад за стеклом жил своей невозмутимой жизнью: трава ещё блестела от росы, старая акация замерла в полной неподвижности, и только где-то в кустах шиповника возился дрозд. Никаких похорон, никаких кузенов с их гладкими речами — только солнце, сад и птица, занятая своим делом.

Я постояла минуту, глядя на этот покой, потом отвернулась и подошла к столику для умывания. Вылила в таз воду из кувшина; Джейн оставила его с вечера, за ночь вода успела остыть, и её прикосновение к лицу вышло неожиданно бодрящим.

У зеркала я задержалась чуть дольше обычного. Две бессонные ночи давали о себе знать: тени под глазами, заострившиеся скулы, а кожа приобрела серовато-бледный оттенок, который в романах называют «благородной бледностью», а в жизни означает просто усталость. Поморщившись, я отошла в сторону.

Дорожное платье из тёмно-синего сукна лежало готовым на кресле — Джейн расстаралась, даже пуговицы начистила до блеска. Одеваясь, я думала о Генри Сандерсе. Лакей Колина не стал бы лгать, полагаю, он был не в том положении. А значит, Генри был у кузена за день до его гибели и солгал мне у коронера без малейшей запинки. Зачем? Зачем вступать в права на разорённое наследство? Только ради титула? Но он обосновался в Америке... или же намерен остаться здесь? Вопросы множились с каждой застегнутой пуговицей, а ответы ускользали.

Бросив последний взгляд на своё отражение, я осталась довольна: строгое платье сидело безупречно, а бледность и заострившиеся черты лица довершали образ горюющей вдовы так убедительно, что ни у кого не возникло бы лишних вопросов.

Подхватив дорожную накидку, я вышла в коридор. Мэри уже стояла у своей двери, тоже в дорожном платье, с накидкой, перекинутой через руку, и небольшим саквояжем у ног. При моём появлении она вскинула голову и тотчас заметила что-то в моём лице.

— Дик вернулся, — сказала я прежде, чем она успела открыть рот. — Ночью, через заднюю дверь.

Мэри не ответила, лишь шумно, со свистом выдохнула, словно у нее из груди выбили весь воздух. Она рывком подхватила саквояж и, забыв о приличиях, первой бросилась вниз по лестнице. Я поспешила за ней, слыша, как гулко отдается в пустом коридоре стук ее каблучков.

У самой двери каморки она внезапно притормозила, пропуская меня вперед — то ли из остатков привычки, то ли от внезапного страха перед тем, что увидит внутри. Дверь была приоткрыта. Дик сидел на кровати, привалившись спиной к стене и безучастно изучая трещину на потолке. При нашем появлении он дернулся, пытаясь принять подобающий вид, но тут же побледнел и скривился от боли в боку.

— Не вставай, — велела я, отрезая всякую попытку к церемониям.

Только тогда Мэри переступила порог. Саквояж с глухим стуком выпал из её ослабевших пальцев прямо на пол. Она замерла, глядя на Дика — на его заплывший глаз, на багровую скулу, — и её губы медленно сжались в тонкую линию.

— Посмотрите-ка на него, — проговорила она наконец, и голос её звенел от гнева, за которым едва скрывалось облегчение. — Герой... вернулся-таки.

Она шагнула к кровати, бесцеремонно схватила его за подбородок и повернула его голову к свету. Дик попытался отстраниться, но куда там — Мэри держала крепко.

— И где же это выдают такие медали, Дик Дорс? — она почти прошипела это ему в лицо. — В какой канаве ты нашёл этот кулак? Ты о миледи подумал?

— Споткнулся, — прохрипел Дик, не меняя каменного выражения лица, хотя в глазах у него на мгновение промелькнуло нечто похожее на растерянность перед этим напором.

— Споткнулся, — повторила она, и в этом слове было столько яда, что хватило бы на целую аптеку. — Ну разумеется. Весь Лондон ходит прямо, и только Дик Дорс...

— Мэри, — осадила я её.

Та умолкла, но продолжала сверлить Дика взглядом, в котором ярость мешалась с такой отчаянной, болезненной заботой, что воздух в тесной каморке, казалось, наэлектризовался. Дик отвел глаза, непривычно смущенный, и потянулся здоровой рукой к краю одеяла, словно пытаясь прикрыться от её гнева.

— Как бок? — спросила я, подходя ближе.

— Терпимо, миледи. — Он помолчал, косясь на Мэри, которая всё ещё тяжело дышала рядом. — Жжёт только. Будто каленым железом приложили.

— Будет жечь ещё дня три. Повязку сам не трогай, сменю, когда вернёмся. — Я взяла со стола пустую кружку: нужно будет велеть Грант приготовить ещё настоя. — Сразу после завтрака мы выезжаем в Кент на похороны виконта, но задерживаться там я не намерена. Два дня — это крайний срок. А ты поправляйся.

Дик молча кивнул, провожая нас взглядом, в котором сквозила непривычная для него покорность.

Мы вышли из каморки. В узком коридоре, ведущем к столовой, было прохладно, и этот сквозняк помог окончательно стряхнуть ночное оцепенение. Мэри шла следом, на ходу остервенело оправляя манжеты и пытаясь вернуть лицу подобающее спокойствие, хотя её пальцы всё ещё заметно дрожали.

В малой столовой миссис Грант уже завершала последние приготовления. На белой ска-терти теснилось всё, что полагалось к обычному утреннему столу в приличном доме: под плотной льняной салфеткой лежали горячие яйца, рядом на оловянном блюде розовела холодная ветчина, нарезанная почти прозрачными ломтями. Миссис Грант выставила масло в фарфоровой маслёнке, свежий хлеб с хрустящей коркой и небольшую баночку смородинового желе.

Я налила чай себе, затем Мэри. Придвинула блюдо с ветчиной и взяла свежий номер «Морнинг Пост», лежавший поверх стопки утренней почты. Нужно отыскалось на третьей полосе. Коротко, в три скупые строчки, без всякого заголовка — заметка примостилась в самом низу, зажатая между объявлением о продаже жеребца и анонсом новой пьесы в Ковент-Гардене.

«По делу о кончине виконта С. на Керзон-стрит произведено дознание. Смерть признана несчастным случаем, леди С. освобождена».

— Что пишут, миледи? — осведомилась Мэри, сосредоточенно намазывая хлеб маслом.

— Пишут, что я на свободе. — Я перелистнула страницу назад. — Когда меня арестовывали, они не поскупились на целый столбец на первой полосе. С подробностями расписали и бракоразводный процесс, и Ньюгейт, и даже фасон платья, в котором меня вывели из дома. — Я отложила газету. — Лондон всегда умел расставлять акценты.

Мэри сочувственно поджала губы:

— Несправедливо это, миледи.

— Зато предсказуемо, — ответила я и взялась за яйцо. — Сплетни и дурные вести всегда занимают первую полосу. Оправдание же ютится на третьей, между лошадьми и театром.

Мэри сдержанно хмыкнула в ответ, и некоторое время мы ели в тишине, прерываемой лишь перезвоном серебряных ложек о фарфор. За окном окончательно проснулась Кинг-стрит: послышался перестук копыт одинокого всадника, кто-то звонко окликнул соседа через дорогу, а пронзительный детский голос что-то потребовал, не заботясь о приличиях. День разгорался, обещая быть душным и пыльным.

Закончив с завтраком, я поднялась в кабинет. Нужно было оставить распоряжения, прежде чем уехать. Я достала два чистых листа и быстро набросала текст. Первая записка предназначалась мисс Эббот: я извещала её о своем отъезде на два дня и просила в случае любых затруднений немедленно посылать к Финчу, а на самой пивоварне сохранять прежний порядок, не допуская внутрь посторонних. Вторая предназначалась самому Финчу: те же сроки, та же просьба присматривать за делами и краткое напутствие по Саутуорку — не подписывать никаких новых обязательств до моего возвращения.

Запечатав оба конверта горячим сургучом, я позвала Томаса. Его рыжая макушка возникла в дверях мгновенно, будто он дежурил на ковре в коридоре.

— Доставь это сегодня до полудня, — я протянула ему бумаги. — Сначала на Найтрай-дер-стрит, затем сразу в Саутуорк.

— Будет исполнено, миледи! — Мальчишка сгрёб пакеты, лихо дернул картузом и исчез так же стремительно, как и появился.

Когда мы с Мэри вышли на крыльцо, карета уже ждала у парадного. Охрана, нанятая Диком несколько дней назад, была на своих местах. У дверцы замер Норт — с ним мне приходилось видеться чаще, и его невозмутимость всегда действовала успокаивающе. Миллер же, широкоплечий малый с тяжёлым взглядом, обычно сопровождал Мэри в её поездках, был ещё более немногословен, чем его товарищ, и сейчас лишь коротко коснулся поля шляпы. С этими людьми, привыкшими замечать малейшее движение в толпе, дорога до Кента казалась значительно безопаснее.

Мы сели в карету. Экипаж мягко качнулся, когда мы заняли свои места, дверца захлопнулась, и после короткого окрика Норта карета дернулась и покатила по бульварам.

За окном потянулся утренний Лондон. Кинг-стрит в этот час жила своей скрытой, будничной жизнью, которую редко видели господа: трубочист с лицом, серым от сажи, и лестницей на плече уже заканчивал обход, а к черному входу соседнего дома водовоз подкатил свою тележку, выкрикивая цену за ведро. На повороте к Пэлл-Мэлл нас на мгновение зажала толчея — разносчики газет и торговцы снедью сновали между экипажами, перекрикивая друг друга в надежде на случайный шиллинг. Мы сделали несколько остановок по пути на юг, прежде чем Норт придержал лошадей у лавки тканей «Харрис и сын».

Лавка только открылась, молодой помощник в безупречно чистом переднике ещё снимал тяжелые деревянные щиты с окон, за которыми в утреннем свете золотился и переливался выставленный товар. Внутри царил прохладный сумрак, пропитанный запахом новой шерсти, дорогого красителя и воска, которым натирали прилавки.

Я выбирала не торопясь, придирчиво ощупывая каждый дюйм ткани. Отрез плотной шерсти цвета старой бронзы, теплой и добротной; из такой выйдет и отличное зимнее платье, и накидка. Второй отрез — практичная шерсть в мелкую елочку, серо-зеленая, как вереск в тумане. И напоследок я указала на рулон мягкого шелка цвета топленого молока, который скромно лежал в стороне. Помощник поначалу даже не предложил его нам, очевидно, приняв нас за дам весьма умеренных appetitов.

Мэри смотрела на шелк молча, едва дыша.

— Это же... это на выход платье, миледи, — наконец пробормотала она, опасливо коснувшись ткани самым кончиком пальца, будто боялась оставить след.

— Именно так, — подтвердила я, кивнув лавочнику, чтобы тот отмерял нужную длину.

Шелк оказался недешев — двенадцать шиллингов за ярд, шерсть ушла по два. Мэри при объявлении суммы заметно вздрогнула и принялась что-то судорожно пересчитывать в уме, глядя на то, как я выкладываю монеты на прилавок. Для нее это были не просто фунты и шиллинги, а целое состояние, воплощенное в гладкой, струящейся ткани.

— Упакуйте это как следует, — распорядилась я. — Нам предстоит долгий путь.

Помощник лавочника, чей тон моментально стал предельно почтительным, принялся ловко сворачивать отрезы в плотную бумагу, перевязывая их бечевкой.

У шляпочницы на Оксфорд-стрит мы задержались дольше, чем я рассчитывала. Мадам Пети — невысокая, стремительная, с булавками в кармане передника и острым взглядом опытного военачальника — немедленно взяла инициативу в свои руки. Поскольку мы искали вещь для женщины в летах, мадам Пети заставила Мэри примерять чепец за чепцом, оценивая, как та или иная отделка будет смотреться на лице более зрелом.

В итоге остановились на статной соломенной шляпке с высокой тульей и широкими полями. К ней мадам Пети подобрала ленты: простую белую и три ярда голубого шелка — для повседневных выходов, и пару ярдов вишневого — для церковной службы или больших праздников.

Мэри смотрела на коробку, которую бережно упаковывала помощница мадам Пети, будто в ней лежала корона королевы Шарлотты. А, выйдя на улицу, обернувшись ко мне, и я на мгновение испугалась — сейчас расплачется, но она лишь шумно выдохнула.

— Миледи... это всё слишком щедро.

— Возможно, — ответила я, поправляя накидку. — Однако твоя мать заслуживает достойного подарка. Идем, осталась последняя мелочь.

Парфюмерная лавка Пиера на Стрэнде была узкой и полутемной, заставленной флаконами так плотно, что пройти между прилавками можно было, только повернувшись боком. Воздух здесь был настолько густым от ароматов, что с непривычки слегка закружилась голова. Хозяин — маленький, юркий, с пышными бакенбардами и манерами оперного тенора — принялся выставлять перед нами образцы, рассыпаясь в комплиментах на ломаном английском.

Я выбрала для матери Мэри небольшой флакон лавандовой воды, пахнущей просто и свежо, без той приторной сладости, которая так ценится в душных гостиных Мейфэра. Покупка обошлась в три шиллинга шесть пенсов, вполне прилично для небольшого знака внимания.

Завершив покупки и чувствуя странное облегчение от этой короткой суеты, мы вернулись к карете. Я забралась в уже душное нутро экипажа; Мэри устроилась напротив, бережно прижимая к груди свёртки, словно в её руках было нечто хрупкое и бесценное. Она молчала, и хотя изо всех сил старалась сохранять подобающую случаю невозмутимость, её глаза подозрительно блестели.

Наконец, Норт тронул лошадей, и карета, тяжело качнувшись, двинулась в путь. Мы пересекли Вестминстерский мост, под которым Темза отливала свинцом, и Лондон за окном начал стремительно терять свой лоск. Изысканный блеск Бонд-стрит остался позади, уступив место рабочим окраинам Саутуорка. У будки сборщика пошлины карета замедлила ход; Норт, не слезая с козел, перебросил монетку смотрителю в поношенном красном жилете, и тяжелая цепь со скрежетом опустилась, открывая нам путь на Дуврский тракт. Городской гул постепенно затихал за спиной, сменяясь мерным перестуком копыт.

Дорога вилась через Дептфорд и Блэкхит. Поначалу за окном тянулись бесконечные, серые от пыли предместья, где кирпичные стены конюшен и верфей перемежались огородами, но вскоре застройка стала редеть, пейзаж переменился, по обе стороны тракта встали вековые

дубы и вязы, а небо над головой сделалось ощутимо шире и светлее. Мэри, всё ещё не выпуская свёртки из рук, жадно смотрела в окно на проплывающие мимо луга. Её радостное нетерпение было почти осязаемым: она то и дело поправляла выбившийся локон, приглаживала платье и покусывала губы, явно представляя, как обнимет мать.

Я же, напротив, с каждой милей чувствовала себя странно. По мере того как карета углублялась в Кент, во мне просыпались отголоски чужого детства, яркие, как вспышки света. Катрин видела эти холмы совсем другими. В её памяти они не были просто «пейзажем за окном» — это были места, где она пряталась от гувернантки в высокой траве, где собирала дикую малину, пачкая пальцы и подол светлого платья, и где впервые, замирая от восторга, слушала чтение стихов в тени старого вяза. Всего три года назад она уезжала отсюда, считая Морган-холл тесной клеткой, не подозревая, что семейная жизнь в Роксбери-холле окажется куда страшнее. Теперь я возвращалась в её прошлое, и это раздвоение отзывалось в груди тупой, тягучей болью...

Путь по тракту занял больше четырех часов. Карету ощутимо трясло на выбоинах, но ход оставался ровным, и я незаметно для себя задремала. Сон был чутким, поверхностным: сквозь полудрёму я слышала цокот подков, поскрипывание кожаных ремней и тихий, осторожный шорох упаковочной бумаги.

Когда Норт свернул с тракта на узкий просёлок, карету снова подбросило. Дорога здесь была разбита колеями от весенних дождей и плотно обсажена старыми вязами. Мэри, успевшая прикорнуть у меня на плече, вздрогнула и открыла глаза, мгновенно выпрямляясь и вглядываясь в просветы между деревьями.

Катрин знала этот поворот. В её памяти он навсегда остался связан с чувством, когда до дома остаётся всего миля: именно здесь она когда-то приказывала кучеру прибавить ходу, возвращаясь с прогулок.

Ворота Морган-холла были распахнуты настежь, тяжелые створки с теми же коваными петлями, что надсадно скрипели на ветру ещё в пору детства Катрин. Карета въехала на подъездную аллею, и старые вязы по обе стороны сомкнулись над нами живым сводом. Солнечные блики искрами рассыпались по гравию, то вспыхивая, то угасая в густой пахучей тени, пока экипаж пробирался к дому.

Дом открылся сразу и целиком, без лишнего жеманства парадных фасадов. Два этажа из обветренного красного кирпича, белые рамы и крыльцо о шести ступенях. Чугунные перила с левой стороны вновь тронула рыжина — вечная ржавчина, которую счищали каждую осень и которая неизменно возвращалась к весне. Плотный плющ укрыл торцевую стену до самой кровли и уже перехлестнул через водосточную трубу. На подоконнике второго этажа теснились горшки с геранью, ярко-алой и пышной, вовсю наслаждавшейся июньским теплом. Морган-холл выглядел именно так, как выглядят дома, в которых живут постоянно, а не держат для редких визитов: немного усталым, чуть неприбранным, но лишенным всякой показной небрежности.

Справа тянулся сад, отделенный от аллеи невысокой каменной оградой. В кладке по-прежнему не хватало одного камня — он выпал ещё при отце, и с тех пор никто так и не удосужился вернуть его на место. За оградой яблони стояли в густой, сочной зелени, усыпанные мелкими, ещё жесткими завязями будущих плодов. Вдоль дорожек теснились кусты смородины, где среди изумрудных листьев уже висели плотные, налитые гроздья ягод — они были ещё совсем зелеными и твердыми, но уже обещали обильный урожай в следующем месяце, а в самом дальнем углу сада белела оранжерея.

Я велела Норту остановить карету у садовых ворот и вышла, оставив Мэри в легком недоумении. Оранжерея была новой — рамы поблескивали свежим стеклом, ещё не успевшим покрыться первой пылью, а раствор между кирпичами цоколя резал глаз своей белизной. Я прошла вдоль стеклянной стены, касаясь ладонью рам. Внутри на полках теснились ящики с

рассадой, а в углу под рогожей угадывались мешки с чем-то, припасенным для посадок. Хорошая постройка, если только Эдвард догадается устроить правильный обогрев; в противном случае первое же серьезное похолодание погубит всё это хрупкое величие задолго до февраля.

Мэри, оставшаяся у кареты, осторожно кашлянула, указывая на дом. Там, на крыльце, уже появилась фигура хозяина.

Эдвард стоял на верхнем марше ступеней в жилете поверх сорочки, без сюртука, с видом человека, которого бесцеремонно оторвали от чего-то важного. Шум кареты, замершей на полпути к дому, явно сбил его с толку. Он шурился, пытаясь разглядеть сквозь блики солнца, кто это решил прогуляться по его саду, прежде чем засвидетельствовать почтение.

Я двинулась к нему, стараясь идти ровно. Когда я вышла из тени вязов на открытое пространство перед крыльцом, Эдвард, наконец, узнал меня. Он быстро сошел с крыльца, на ходу оправляя шейный платок, словно это могло вернуть ему подобающий вид джентльмена.

— Катрин? Господи помилуй, сестра... Мать не знала, что ты приедешь.

— Никто не знал, Эдвард. Я не успела написать, прости, что врываюсь без предупреждения.

— До нас дошли слухи... — он понизил голос, — говорят, в Англию из Америки прибыл кузен Колина. Генри Сандерс. Это правда, Кэти? Он действительно намерен заявить права на наследство?

— Это правда, Эдвард. Генри уже здесь, он взял на себя организацию похорон и перевозку тела в семейный склеп. Мы встретились у коронера.

Брат нахмурился, переваривая информацию. Его взгляд скользнул за мою спину, где у кареты замерли Норт и Миллер. Вид суровых парней заставил Эдварда плотнее сжать губы, но он тут же спохватился, заметив Мэри.

— Прости, я совсем забыл о приличиях. Позволь представить тебе Мэри, — я мягко привлекла её внимание. — Теперь она моя компаньонка.

Брат мельком взглянул на Мэри. На его лице отразилось минутное замешательство — он, конечно, узнал в ней бывшую горничную, но мой тон и то, как она держалась и была одета, не допускали возражений.

— Разумеется, — кивнул он. — Идем в дом. Агнес будет рада тебя видеть. Мы как раз заканчивали с первым блюдом.

Агнес встретила нас в холле. Она была небольшая, круглолицая, с двумя детьми, выглядывающими из-за её юбок. Маленькая Эмили смотрела на мой траурный наряд во все глаза, а мальчик прятался за мать, выглядывая лишь одним глазом.

— Кэти! Бедная ты моя! — Агнес обняла меня, окутав ароматом лаванды. — Вы как раз вовремя, гусь только что подан. Эмили, милая, поклонись тёте и веди брата наверх к няне.

Когда Агнес обернулась к Мэри, намереваясь по привычке распорядиться насчет её размещения в людской, я мягко перехватила её взгляд:

— Агнес, дорогая, познакомься с Мэри. Она моя компаньонка. Я бы хотела, чтобы она поделила с нами обед.

В воздухе на мгновение повисла пауза — едва уловимая, как заминка перед прыжком. Агнес моргнула, переводя взгляд с меня, на Мэри, которая стояла рядом со мной с тихим достоинством. Безупречное воспитание Агнес и понимание того, что виконтесса Сандерс, не станет шутить, взяли верх.

— Конечно, Катрин. Мы будем рады. Поставьте ещё один прибор, — распорядилась она, обращаясь к лакею, после чего взглядом хозяйки, оценив слой серой пыли на моей накидке, воскликнула. — Ох, посмотрите на себя! Дорога через Блэкхит всегда была наказанием. Эдвард, распорядись насчет багажа.

Она подхватила меня под локоть, не забыв коротким, но вежливым кивком пригласить Мэри следовать за нами.

— Идемте скорее. Воду уже несут. Вам нужно смыть эту дорожную пыль, прежде чем мы сядем за стол. Гусь подождет лишние четверть часа...

Мы поднялись по широкой лестнице. Скрип ступеней под ногами отозвался в моей голове странным эхом: Катрин знала каждую выщербину на этих перилах. Агнес провела нас в восточное крыло.

— Твоя старая комната занята под детскую, Кэти, так что я приготовила для тебя гостевую — ту, что с видом на старый вяз. Мэри, ваша комната соседняя, через гардеробную. Располагайтесь.

Пока она говорила, двое лакеев, следовавших за нами от самого входа, внесли наши саквояжи в комнаты. Агнес ещё раз заботливо коснулась моего плеча и направилась обратно к лестнице.

В коридоре на мгновение воцарилась привычная домашняя суэта: горничная проскользнула мимо с тяжелым кувшином, откуда-то снизу донесся приглушенный смех Эмили и строгий голос няни. Но вот шаги слуг затихли, Мэри скрылась в своих покоях, чтобы привести себя в порядок, и тяжелая дубовая дверь моей комнаты закрылась, я осталась одна.

Комната была светлой, пропитанной тем самым запахом, который запомнился Катрин — смесью сухих трав и старого дерева. На столе уже ждал глубокий фарфоровый таз и дымящаяся вода в кувшине. Я невольно отметила, что на тазу появилась едва заметная щербинка у края, которой раньше не было, а портьеры сменили на новые, более плотные, но всё остальное стояло на своих местах, застыв в неизменности провинциального уюта.

Подойдя к окну, я на мгновение замерла. Отсюда сад виделся иначе: те же упорядоченные дорожки, тот же старый вяз, бросающий густую тень на гравий. Тишина здесь была почти осязаемой, её лишь изредка нарушало далекое ржание лошади у конюшен. Это был дом — чужой для меня, но до боли родной для этого тела, которое само знало, на какой высоте находится оконная щеколда и как прохладен на ощупь подоконник. Пальцы коснулись дерева прежде, чем я успела об этом подумать.

Оторвавшись от созерцания сада, я вернулась к столу. Ощущение горячей воды, когда я погрузила в неё руки, было почти блаженным после долгого пути. Я зачерпнула полную пригоршню и плеснула в лицо, смывая въевшуюся пыль, затем снова, чувствуя, как вместе с ней уходит и напряжение последних часов. Тщательно вымыв лицо и шею, я потянулась к лежащему рядом полотенцу, неторопливо промокнув влагу. У зеркала я лишь мельком поправила выбившийся локон и пригладила складки платья, возвращая себе подобающий вид. Глубоко вдохнув, я вышла в коридор и постучала в соседнюю дверь.

— Пойдем, Мэри, — сказала я. — Нас ждут.

Когда мы спустились, в столовой всё уже было готово. Эдвард ждал нас, успев сменить жилет на легкий домашний сюртук. Стол сиял чистотой, серебро поблескивало в лучах полуденного солнца, и только теперь, когда дорожная суэта осталась за порогом, Агнес официально пригласила нас занять места.

За столом она старалась поддерживать подобие светской беседы, хотя по её глазам было видно, что она сгорает от желания узнать подробности.

— Тебе нужно набраться сил, Катрин. Кентский воздух — это лучшее лекарство после... всех этих столичных треволнений, — мягко заметила она, разливая суп. — Как прошел ваш путь?

— Путь был долгим, Агнес, — ответила я, — но я рада, что он закончился здесь. Ваша оранжерея выглядит замечательно, Эдвард.

Брат, сидевший во главе стола, преломил хлеб. Он смотрел на меня поверх бокала, и я видела, что за его гостеприимством скрывается сотня вопросов о смерти Колина, о наследнике из Нового Света.

— Мы обсудим всё позже, Катрин, — веско произнес он. — Сначала пообедаем. В Морган-холле гостям полагается сначала набраться сил, а уж потом предаваться семейным советам.

Я кивнула, принимая правила игры. Эдвард первым взял нож, подавая сигнал к началу, и столовая наполнилась мерными, успокаивающими звуками: негромко звенело серебро о фарфор, слуги бесшумно разливали вино, а в открытое окно залетал ленивый гул шмеля. На мгновение Лондон с его Ньюгейтом, магистратами и американскими кузенами отступил куда-то далеко, уступив место привычной, чуть тяжеловесной опеке родного дома.

Глава 6

Обед подошёл к концу. Эдвард отложил приборы, промокнул губы салфеткой и бросил на Агнес один из тех коротких супружеских взглядов, смысл которых понятен без слов и не нуждается в толковании. Агнес поднялась из-за стола без малейшей заминки.

— Мэри, не составите ли мне компанию? — мягко произнесла она, обращаясь к моей спутнице. — Я хотела показать вам розарий. В этом июне он особенно хорош, а солнце как раз перестало нещадно палить.

Мэри вопросительно взглянула на меня. Я едва заметно наклонила голову, и она поднялась вслед за хозяйкой. Вскоре их голоса, приглушенные и мелодичные, растаяли в коридоре, затем донесся сухой хлопок двери, ведущей на террасу, и в доме воцарилась полуденная тишина, какая бывает в старых поместьях летом: когда шмели затихают в густой траве, а сам воздух, кажется, застывает в золотистом мареве.

Эдвард поднялся, коротким привычным жестом одернул жилет и кивком указал на дверь.

— Пройдем в кабинет, Катрин.

Кабинет отца за три года не изменился ни на йоту. Те же темные дубовые полки, уходящие под самый потолок, тот же неистребимый дух крепкого табака и старой кожи, впитавшийся в панели за десятилетия. Тяжелый письменный стол у окна всё так же хранил следы чернильных пятен там, где Морган-старший некогда размашисто подписывал договоры, пока соседи-сквайры прочили ему разорение.

Солнечный прямоугольник лежал на ковре, медленно ползя к стене. Эдвард занял отцовское кресло, занял естественно, по праву хозяина и указал мне на стул напротив.

— Стоит ли послать за матерью? — осведомился он, изучая меня взглядом. — Она в добром здравии и будет рада твоему визиту.

— Боюсь, в этом нет необходимости, брат, — ответила я, устраиваясь поудобнее. — Мое пребывание здесь будет кратким. Я намерена отбыть завтра же, сразу после того, как тело виконта будет предано земле.

Брат удивленно приподнял бровь, и в этом жесте я внезапно увидела покойного отца.

— Зачем такая поспешность, Катрин? Позволь приличиям взять свое, побудь в родном доме хотя бы несколько дней. Мать истосковалась по вестям.

— Дела не терпят отлагательств, Эдвард, — произнесла я спокойно, глядя ему прямо в глаза. — У меня контракт с Интендантством Адмиралтейства. Мы поставляем на флот провизию, заготовленную по новой технологии. Меня ждут в Лондоне, и задержка может стоить мне репутации.

Несколько секунд он молчал, разглядывая меня с глубоким недоумением, с каким смотрят на привычный предмет, вдруг обнаруживший в себе скрытый механизм.

— Адмиралтейство? Контракты? — повторил он наконец, и в его голосе послышалась тень иронии. — Катрин, прежде ты не выказывала склонности к коммерции. Ты всегда предпочитала романы и тишину библиотеки.

— Именно книги и привели меня к этому поприщу, — я позволила себе легкую улыбку. — Помнишь, отец брал нас на ярмарку в Тонбридж? Пока ты с братьями Холлами состязался в верховой езде, я проводила часы у лавки букиниста. Там мне в руки попал архив покойного химика Иоганна Мюллера из Гёттингена. Он описывал методы сохранения продуктов. Я прочла, запомнила... а когда жизнь потребовала решительных действий, сумела применить эти знания.

— Ты читаешь на языке немцев? — он подался вперед, не скрывая изумления.

— Ты забываешь, Эдвард, что когда господин Кранц давал тебе уроки, я неизменно сидела в углу с рукоделием. Ты полагал, что я витаю в облаках, а я слушала. Оказывается, женское любопытство иногда приносит плоды.

Эдвард хмыкнул и отвел взгляд к окну. Там, в глубине сада, меж изумрудных теней яблонь, мелькало светлое платье Агнес. Я же незаметно выдохнула, чувствуя, как ослабевает невидимый обруч, стягивавший грудь с самого рассвета. Легенда легла на благодатную почву: брат принял ее, потому что она была удобной, понятной и вполне могла сойти за правду, если не задавать лишних вопросов.

— Положим, это так, — произнес он наконец, принимаясь медленно переключать костяной нож для писем, словно выравнивая его по невидимой линейке. — Раз уж ты обрела столь... специфические знакомства в Адмиралтействе, у меня есть к тебе разговор, не терпящий отлагательств. Я наводил справки относительно поставок пеньковых канатов для нужд флота. Наша мануфактура справилась бы, оборудование позволяет, да и сырье найдём, но без нужного человека в ведомстве в списке поставщиков не пробиться.

— Как только вернусь в Лондон, переговорю с Бейтсом, — ответила я. — Это интендант, с которым я работаю. Думаю, он не откажет, у меня есть что ему предложить.

Брат прищурился, мерно постукивая пальцем по зеленому сукну столешницы. В этом кабинете, пропитанном запахом отцовского табака, его подозрительность казалась почти осязаемой.

— Позволь полюбопытствовать, Катрин, каким образом ты вообще пересеклась с людьми такого склада? Адмиралы, интенданты... это не те круги, где ищут утешения после семейных драм.

— Обыкновенная случайность, Эдвард, — я растянула губы в чуть утомленной улыбке, — Леди Уилкс была столь любезна, что ввела меня в свет. А там... признаюсь, я нарушила приличия и влезла в мужской разговор. Адмирал Грей сетовал на провиант, утверждая, что солонина гниет, а сухари превращаются в труху ещё до того, как эскадра выйдет в Ла-Манш. Мои сведения о сушеном мясе, способном храниться без рассола до года, пришлись как нельзя кстати.

Я помедлила, глядя на солнечный луч, в котором плясали пылинки и подумала, что легенда получилась вполне правдоподобной, рассказывать о моём знакомстве с лордом Бентли сейчас было бы некстати.

— Знаешь, брат, после того как я покинула Роксбери-холл, я стала весьма смелой.

Эдвард побарабанил пальцами по столу. Желваки на его скулах заходили, он явно «жевал» какую-то колкую реплику, решая, стоит ли выпускать ее на свободу.

— Я заметил, что ты изменилась, — пробурчал он всё же. — И весьма значительно. Твой тон... в нем появилось нечто отцовское. — Он помолчал, а затем резко поднял глаза. — Однако откуда средства, Катрин? Содержать дом на Кинг-стрит, нанимать охрану, выезжать в свет — это не дёшево, даже если жить скромно.

— Неловко признаться, — я сказала это ровно, без интонации раскаяния, — но деньги я взяла из сейфа Колина. Он растратил всё моё приданое на любовницу, так что назову это компенсацией, а не кражей.

Брат поджал губы. В его кодексе чести растрата женского приданого была грехом, который оправдывал ответный удар, даже если тот формально нарушал букву закона.

— Почему ты не пришла ко мне? — проговорил он после долгой паузы, и в его голосе впервые мелькнуло нечто похожее на затаенную обиду. — Я бы нашел способ вразумить его. Нашел бы управу, подобающую джентльмену.

Я посмотрела на него в упор.

— Мы мало общались в последние годы, Эдвард. Я опасалась, что ты сочтешь мои жалобы «дамским капризом» и примешь его сторону. Впрочем, так и случилось, вспомни письмо, которое ты отправил судье, заверяя его в благонравии моего мужа.

Он поморщился, словно от резкого света.

— Матушка убедила меня, что ты пребываешь в некоем... нервическом расстройстве, — произнес он, глядя куда-то мимо меня. — Твердила, что Колин — человек достойный, что в семье тебе будет лучше, под присмотром. Я не стал вникать. — Пауза затянулась, нарушаемая лишь далеким криком птицы в саду. — Это была ошибка.

Три слова, брошенные без украшений. Для Эдварда Моргана это было равносильно публичному покаянию на площади в Тонбридже.

Обида, конечно, никуда не делась, она просто улеглась на дно, как осадок в бутылке старого порта. Я молчала ровно столько, сколько требовал этикет, чтобы это молчание не сочли ни прощением, ни продолжением ссоры.

— Когда гнев прошел, — сказала я наконец, — я вспомнила слова отца. Он говорил, что ты наделен редким благоразумием и не станешь рисковать семейным делом ради пустяков. Я верю, что ты поступил так, как считал правильным в тот момент. Для блага семьи, как ты его понимал.

Эдвард принял это без слов — коротким кивком, давая понять, что тема исчерпана навсегда. Тем же самым движением, которым наш отец некогда закрывалgrossбухи, подводя итог года.

— Не то что мой покойный муж, — продолжила я, переводя тему нашей беседы в нужное мне русло, — который промотал всё, что имел, и всё, что было моим. Новый наследник майората, судя по тому, что я успела узнать, немногим лучше. Хотя, признаться, я мало знаю историю той ветви Сандерсов. Его отец, если я не ошибаюсь, украл у отца Колина некую сумму, прежде чем покинуть Англию?

Эдвард откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди — жест, означавший, что сейчас он будет говорить долго и основательно, как всегда, когда предмет разговора ему хорошо известен.

— Не совсем так, — произнёс он, и в голосе его проступило то удовольствие, с каким люди берутся за историю, которую давно хотели рассказать. — Отец Колина не взял чужого, он просто не отдал то, что принадлежало младшему брату по справедливости, хотя и не по закону. Их отец, старый лорд Сандерс, имел двух сыновей от двух жён. Первая, мать Колина-старшего, принесла в дом хорошее приданое и умерла, когда мальчику было лет семь. Лорд женился повторно на леди Берстан, та была из знатного рода, но небогатого, и к сыну от второго брака отец был весьма холоден. Говорили, что он и имени его лишний раз не называл.

Эдвард потянулся к графину с водой, наполнил стакан и продолжил, не торопясь:

— Наш отец был знаком со старым лордом ещё по делам канальной компании. Рассказывал, что когда младший сын уезжал, а уехал он в Америку лет тридцать с лишним назад, то поклялся вернуться и забрать то, что ему причиталось. Каждому в той компании сказал это отдельно, будто хотел свидетелей. — Он поставил стакан. — Но так и не вернулся. То ли забыл, то ли решил, что Новый Свет ему больше по душе.

— А что именно ему причиталось? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Семейные деньги. Мать первого сына принесла в дом капитал, который по всем разумным правилам должен был делиться между детьми поровну. Но лорд Сандерс иначе понимал слово «поровну» применительно к детям от разных матерей. Старший получил всё. Младший — письмо с пожеланием удачи в новых землях. — Эдвард чуть пожал плечами. — Впрочем, обиды сыновей на отцов — дело обычное. То, что он уехал и разбогател там, говорит о том, что человек не пропал.

Я слушала, не перебивая и глядя в окно, где солнечный прямоугольник на полу незаметно сместился ещё на дюйм. Возможно, эту ненависть он взрастил в своём сыне Генри — передал как семейный долг, как обещание, данное при свидетелях и не выполненное. И вот сын явился, чтобы выполнить его за отца. Но это была только мысль, и я оставила её при себе до того момента, когда она понадобится.

— Эдвард, — сказала я, выждав паузу, — помимо кончины Колина, до тебя, верно, дошли слухи и о прочем?

Брат чуть сдвинул брови.

— Дошли, — произнёс он после секундного молчания. В голосе появилась сухость, за которой у Морганов всегда скрывался разговор, которого хотелось бы избежать. — В газетах не поспешили на подробности. И соседи, разумеется, не преминули их обсудить.

— Тогда ты знаешь, что меня задержали по подозрению в причастности к смерти мужа. И что ночь я провела в Ньюгейте.

Эдвард не отвёл взгляда, но что-то в его лице переменялось, едва уловимо, как у человека, который ждал этого признания и всё равно оказался к нему не готов.

— Меня освободили наутро, — продолжила я. — Дознание установило, что Колин был нетрезв и упал, ударившись затылком о край стола. Несчастный случай. Но домыслы...

— Да, увы, эта тема в Кенте будет занимать умы ещё долго, — недовольно проговорил брат. Он помедлил, глядя на свои руки на столе. — И всё по вине Лидии, которая возомнила, что Колин её любит, и не нашла ничего лучше, как опозорить собственное имя.

— Уверена, о нашей семье вскоре заговорят в ином ключе, — ответила я, — когда узнают, что Морганов содействуют стране в победе над Наполеоном.

Эдвард коротко кивнул и встал, давая понять, что тяжелая тема исчерпана.

— Было бы желательно. — Он указал на дверь. — Идём, покажу тебе оранжерею. Агнес просила восстановить — дело затратное, но чего не сделаешь ради мира в доме.

В гостиной мы застали Агнес и Мэри, склонившихся над раскрытым томом на диване. Агнес что-то поясняла вполголоса, водя пальцем по странице, а Мэри слушала с выражением сосредоточенного удовольствия, которое я уже научилась в ней узнавать. Напряжение, едва уловимое за обедом, когда Агнес взглядом хозяйки ещё прикидывала, как принять мою спутницу, бесследно исчезло. Они сидели как две дамы, нашедшие общую тему, и этого было достаточно.

— Мэри, — окликнула я. — Возьми карету и Миллера, поезжай к матери. После ужина я буду ждать тебя здесь.

Мэри подняла голову, закрыла книгу и поднялась — спокойно, без суеты, с той сдержанной уверенностью, которая появилась в ней за последние недели. Агнес проводила её взглядом и, когда за Мэри закрылась дверь, обернулась ко мне.

— Какая разумная особа, — заметила она без тени снисходительности, просто констатируя факт.

— Да, — согласилась я.

Эдвард кашлянул, напоминая, что оранжерею ждёт, и мы вышли через террасу в сад. Постройка была основательной — светлая, просторная, с высокими рамами и чугунными опорами, ещё пахнувшими свежей краской. Я прошлась вдоль стеллажей, касаясь ящиков с рассадой. Постройка была хороша, но северная стена меня беспокоила, рамы там были тоньше, и в январе, когда ветер идёт с моря, этого могло не хватить. Мистер Хатч со своими торфяными жаровнями был бы здесь кстати. Но давать советы сейчас было не время, брат и так глядел на меня с осторожным любопытством, с каким смотрят на человека, внезапно оказавшегося куда проницательнее, чем от него ожидали.

К ужину мы вернулись в дом. Агнес велела накрыть в малой столовой — по-семейному, без лишних церемоний. На столе была холодная баранина, овощи из собственного огорода,

хлеб и кувшин с элем для Эдварда; нам же подали лимонную воду. Свечи горели низко, за окном в сумерках стрекотали кузнечики, и весь этот немудрёный уют действовал на меня успокаивающе, как припарка на старую рану.

— Расскажи о Лондоне, Катрин, — попросила Агнес, разливая воду по бокалам. — Ты ведь бываешь в свете?

— Бываю, — ответила я. — Несколько недель назад имела честь присутствовать на приёме у леди Джерси.

Агнес округлила глаза и замерла с графином в руке.

— У самой леди Джерси? — переспросила она почти шёпотом, словно это имя требовало особой осторожности. — Говорят, она принимает лишь тех, кого сама сочтет достойными. И что её бал — это...

— Испытание, — подсказала я. — Примерно так. Но я его выдержала.

— И кто же там был? — Агнес подалась вперёд, уже не скрывая живого любопытства.

— Графиня Уэстморленд. Леди Мельбурн. Его Высочество герцог Кларенс, — я перечисляла эти имена так ровно, будто речь шла о соседях по приходу.

Эдвард, до того молча занимавшийся бараниной, поднял голову. Агнес смотрела на меня с выражением человека, пытающегося совместить два несовместимых образа: прежнюю Катрин, тихую жену соседа-виконта, и ту Катрин, что ужинает в компании принцев крови и адмиралов.

— И каковы они в жизни? — осведомилась Агнес. — Шепчутся, что леди Мельбурн невыносимо остра на язык.

— Весьма остра, — подтвердила я. — Но при том на редкость справедлива. Это сочетание встречается нечасто.

— А платья? — не удержалась Агнес. — В Лондоне сейчас носят что-то особенное? У нас здесь всё доходит с опозданием на целый сезон, а модные журналы стоят целое состояние...

— Муслин по-прежнему в чести, — сказала я, — но теперь предпочитают более плотный, не тот прозрачный шифон, что шел два года назад. Рукава стали чуть пышнее у плеча, а линию лифа подняли ещё выше. — Я мельком взглянула на её наряд. — Твой фасон, кстати, вполне отвечает нынешним вкусам. Разве что пояс следовало бы поднять на дюйм.

Агнес просияла так, словно я вручила ей высшую награду. Эдвард же, отодвинув пустую кружку, вернул беседу в более привычное для него русло.

— Говорят, на континенте вновь беспокойно, — произнёс он. — Что слышно в столице? Скоро ли наступит конец этой распре?

— В Лондоне об этом спорят на каждом приёме, — ответила я, — и всякий раз на разный лад. Одни уверяют, что Бонапарт выдохнется к зиме. Другие полагают, что он лишь входит во вкус. Адмирал Грей, во всяком случае, смотрит в будущее без лишнего оптимизма.

Эдвард кивнул, слуги принялись убирать со стола, и разговор сам собой иссяк, уступив место негромкой домашней тишине, которая бывает после ужина, когда говорить уже не о чем, а расходиться ещё не хочется...

Как и ожидалось, соседи явились около семи вечера. Без приглашения, разумеется, в Кенте не существует понятия «слишком рано» или «не вовремя», если в округе происходит нечто, заслуживающее подробного разбора.

Визитеров было трое. Миссис Партридж — вдова в темно-лиловом, с лицом, на котором соболезнование и любопытство вели борьбу с явным перевесом последнего. Она говорила о кончине Колина искренне убеждённой, считая, что чужое несчастье требует детального обсуждения исключительно из христианской заботы о ближнем.

Рядом замерла её дочь — барышня лет двадцати с постоянно приоткрытым ртом и манерой глядеть в точку чуть выше головы собеседника. Она безмолвствовала весь визит, зато пила чай с такой пугающей сосредоточенностью, будто это было главным делом её жизни. Третьим

явился мистер Хатч, сквайр из соседнего имения, пожилой и краснолицый. От его добродушного интереса не было ни вреда, ни пользы; он просто присутствовал, заполняя пространство запахом табака и сырой шерсти от своих неизменных высоких сапог.

Говорили они всё надлежащее. Соболезновали. Осведомлялись о здоровье маменьки. Упоминали переменчивую погоду. Я отвечала столь же надлежаще — благодарила, едва заметно улыбалась, сетовала на лондонскую жару, от которой в июне не спасает даже ветер с Темзы. Это был ритуал, отточенный поколениями: выверенные фразы, правильные паузы — всё на своих местах, как начищенное серебро на скатерти.

Наконец миссис Партридж сочла прелюдию оконченной. Она чуть подалась вперед, и в её голосе сочувствие зазвенело, как фальшивая монета:

— Говорят, дорогая, вам довелось оказаться в весьма... стесненных обстоятельствах. Мы все так сокрушались. Подумать только, какое испытание для нервов!

— Вы чрезвычайно добры, — ответила я, неспешно поднимая чашку.

— Ньюгейт, — вздохнула она, театральнo опуская глаза. — Это, должно быть, было невыносимо. Такое ужасное место. Столько грубости, столько... падения.

— Отвратительное место, — согласилась я с той же интонацией, с какой подтверждают прогноз о дожде. — Камень стен остается холодным даже в середине июня. Крайне неудобно.

Миссис Партридж моргнула. Она явно ожидала иного: растерянности, слез или той нервической торопливости, с какой люди оправдываются, когда им нестерпимо стыдно. Дочь её на секунду оторвалась от чая. Мистер Хатч добродушно крикнул в кулак.

— Но всё это в прошлом, — добавила я прежде, чем вдова успела развить тему. — Дознание завершено, магистрат вынес единственно верное решение. — Я улыбнулась без тени театральности, лишь для того, чтобы дать понять: на этом обсуждение окончено.

Миссис Партридж предприняла ещё одну попытку, пробормотав нечто о «столь внезапном уходе» и «цвете лет», но я лишь заметила, что Колин отошел быстро и без мучений, в чем видится несомненная милость небес. И тут же перевела разговор на оранжерею Эдварда, осведомившись у мистера Хатча, не посоветует ли он чего дельного насчет торфяных жаровен.

Сквайр немедленно оживился. Стекланные постройки и способы их отопления были его страстью, куда более сильной, чем чужие семейные драмы. Пока он излагал свои соображения, барышня Партридж снова устала в чашку, а её мать, осознав, что добыча ускользнула, переключилась на новости о дочери местного викария, которая выскочила замуж за лейтенанта с весьма скромными видами на будущее.

До самого конца визита я держала улыбку так, как держат нечто тяжелое — обеими руками, не позволяя себе показать ни тени усилия.

Когда они, наконец, откланялись, Агнес проводила их до дверей и вернулась с выражением совершенной безмятежности на лице. Она либо действительно ничего не заметила, либо, что вероятнее, заметила всё и деликатно предпочла хранить молчание. Я подозревала второе.

Около девяти, когда Агнес уже разливала вечерний чай, а Эдвард дремал в кресле с газетой на коленях, в прихожей послышались шаги. Мэри вошла в гостиную — причёска чуть растрепалась, глаза покраснели, но улыбка не сходила с лица всё время, пока она кланялась хозяевам и отвечала на вопросы Агнес о дороге.

В начале одиннадцатого мы пожелали Эдварду и Агнес доброй ночи и поднялись в восточное крыло. В моей комнате уже горела свеча, горничная позаботилась об этом заранее. Мэри прикрыла дверь и опустилась на стул у окна, сложив руки на коленях.

— Ну? — спросила я, присаживаясь на край постели.

— Мама плакала. Почти сразу, как только увидела меня. Я поначалу испугалась, что расстроила её чем-то, но нет. А она твердила, что смотрит и не узнаёт: платье, манеры... а ещё она была поражена, когда узнала, что я читать умею и в Лондоне живу... ем как госпожа.

— Мэри помолчала, подбирая слова. — Сказала, что никогда бы не помыслила увидеть меня такой.

— Она гордится тобой, — мягко произнесла я.

— Когда мама развернула подарки... она долго гладила шёлк и снова принялась плакать. Шляпку всё примеряла и не снимала, пока я не засобиралась уходить. — Уголки губ у Мэри дрогнули.

Она замолчала, и в комнате стало совсем тихо, только свеча потрескивала да где-то в темноте за окном кричала ночная птица.

— Я отдала ей два фунта, — произнесла Мэри, чуть опустив голову. — Те, что накопила с жалованья. Маме они нужнее... Она просила передать вам, что будет молиться за вас. Каждый божий день.

— Мэри... — сказала я, — я помню добро и ценю преданность. Без твоей помощи я бы не покинула Роксбери-холл, и мне пришлось бы трудно одной в Лондоне в те первые недели. Это не та вещь, о которой забывают.

Мэри ничего не ответила. Только моргнула, шмыгнув носом, и отвела взгляд к окну.

— Ступайте спать, Мэри, — проговорила я. — Завтра будет трудный день.

Она взяла свечу и вышла в гардеробную.

Я не торопясь привела себя в порядок и легла, с тихим облегчением вытянувшись во весь рост на прохладных простынях. И прежде чем я успела додумать хоть одну из мыслей, я мгновенно отключилась.

Глава 7

Утро выдалось серым и влажным. В Кенте после душной ночи туман всегда поднимается неохотно, застревая в кронах вязов тяжелой серой ватой.

Завтрак в Морган-холле подали в половине восьмого. Агнес распорядилась об этом накануне, поэтому стол собрали быстро, без лишней суеты: холодный окорок, вчерашний хлеб, крутые яйца в полотняной салфетке и кофе. Здесь его варили иначе, чем Бригтс в Лондоне — зерна нещадно пережаривали, а сам напиток разбавляли доброй порцией поджаренного ячменя, отчего он приобретал густой хлебный дух и оставлял на языке горькое, пыльное послевкусие.

Эдвард ел молча, не отрываясь от бумаг, принесенных управляющим час назад. Мэри сидела напротив, нарезаая ветчину тонкими, почти прозрачными ломтиками. Я смотрела в окно, где садовник неторопливо правил гравий на подъездной аллее, и думала о том, что сегодня мне предстоит стоять у гроба человека, который три года был мужем Катрин и пыталась нащупать в себе хоть какое-то подобие скорби, но ничего не находила, кроме глухого облегчения.

Когда пришло время выходить, Мэри подала мне вуаль. Тонкая черная сетка легла на лицо, мгновенно превратив яркое утро в сумеречный день. Это было удобно, за ней никто не мог разглядеть ни моих глаз, ни отсутствия слез.

Эдвард предложил ехать в его карете. Она была под стать утру: добротная, темная, пахнущая внутри старой кожей и пылью. Мы тронулись, и Морган-холл медленно поплыл назад, растворяясь в тумане.

Две мили пролетели незаметно, и вскоре за очередным поворотом, на самом гребне холма, показалась церковь Святого Петра. Приземистая, нормандской кладки, с квадратной башней, она выглядела как часть самого холма, вросшая в землю за сотни лет. Погост вокруг неё зарос высокой травой, в которой серые надгробные плиты тонули по самые буквы, словно стараясь окончательно скрыть имена тех, кто под ними лежал. Карета остановилась у самых ворот, и в воцарившейся тишине скрип тормозов прозвучал неожиданно резко.

У ограды уже теснились экипажи: вороные в черных пополах, громоздкий катафалк с гербом Сандерсов и несколько наемных карет, чья потрепанная позолота плохо сочеталась с торжественностью момента. Людей собралось больше, чем того требовали приличия — Лондон и Кент прислали своих соглядатаев. Сквайры в тесных сюртуках, управляющие, паратройка кредиторов Колина, явившихся, вероятно, убедиться, что должник действительно не встанет. У входа замерли нанятые плакальщики. Ветер лениво шевелил длинный креп на их шляпах и полы черных плащей, но сами они стояли неподвижно, сжимая в руках обмотанные трауром жезлы и смотрели в землю, демонстрируя безупречную скорбь, которая стоит ровно пять шиллингов в час.

Мать я увидела сразу.

Миссис Морган стояла в окружении дам, чьи лица выражали ту степень сочувствия, которая граничит с наслаждением от чужой беды. Платок она держала у губ — не слишком высоко, чтобы не скрывать глаз, и не слишком низко, чтобы жест не терял трагизма. Заметив наш экипаж, она замерла. Лицо её дрогнуло, последовал короткий, выверенный вскрик, и маменька начала оседать на руки соседок.

— Катрин! — донеслось до меня, едва я ступила на гравий. — О, несчастное дитя! Моё сердце разрывается, видя тебя в этом горестном облачении... Овдоветь в столь нежные годы!

Я подошла и взяла её за руки. Ладони у маменьки были сухими и цепкими, вовсе не как у человека, готового лишиться чувств.

— Успокойтесь, маменька.

— Как я могу! — она всхлипнула, мельком проверяя, достаточно ли близко стоят Партриджи. — Видеть свою плоть и кровь в столь страшных обстоятельствах... О, этот безжалостный рок!

— Мать, довольно, — голос Эдварда прозвучал сухо и веско.

Этого короткого окрика хватило, чтобы маменька мгновенно обрела равновесие. Она выпрямилась, поправила чепец и, опершись на сына, позволила отвести себя к скамьям под старыми вязами. Там она заняла подобающее место в центре группы соболезнающих, перейдя от стенаний к тихому, статусному горю, которое куда больше шло к её новому платью.

Пока Эдвард устраивал мать на скамье, ко мне подошел полковник Тэтчер. Тот самый, о чьих странностях матушка писала с таким упоением, нынче выглядел на диво собранным. Старый военный мундир, вычищенный до блеска, сидел на нем как панцирь, а выцветшие глаза смотрели остро и прямо.

— Леди Сандерс, — он коротко, по-солдатски кивнул, коснувшись полей шляпы. — Примите почтение. Скверное дело, когда уходят молодыми...

— Благодарю вас, полковник, — ответила я. — Ваше присутствие здесь много значит для семьи.

— Хм, — он неопределенно хмыкнул, перехватывая трость. — Присматривайте за тылами, миледи. В Лондоне сейчас дуют нехорошие ветры. Если понадобится старый солдат, который не задает лишних вопросов, вы знаете, где меня искать.

Он отступил, уступая место леди Баркли. Она плыла по гравию, словно фрегат под полными парусами, в облаке черного крепа и аромате тяжелых, душных духов. Её лицо, затянутое в тонкую вуаль, напоминало застывшую маску из слоновой кости.

— Дорогая Катрин, — произнесла она, и её низкий и тягучий голос, заставил маменьку на скамье вздрогнуть и немедленно выпрямиться. — Мы все глубоко потрясены. Такая внезапная кончина... и в столь... деликатный момент вашего бракоразводного процесса.

Она коснулась моей руки кончиками пальцев в тонкой лайковой перчатке.

— Вы очень внимательны, леди Баркли, — я выдержала её взгляд, не моргнув.

— Слухи — это сорняки, — продолжала она, понизив голос до доверительного шепота, который, впрочем, прекрасно долетал до первых рядов скамей. — Говорят, ваш американский родственник уже распоряжается в Роксбери-холле. Мистер... Генри, кажется? Мужчины из колоний бывают столь стремительны в делах наследства. Вы уже имели удовольствие составить о нем мнение?

— Мистер Сандерс исполняет свой долг перед семьей, — ответила я максимально обтекаемо. — Как и все мы сегодня.

Леди Баркли едва заметно сузила глаза, явно неудовлетворенная моей уклончивостью. Она открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, наверняка о Ньюгейте или Бентли, но в этот момент двери церкви со скрипом распахнулись.

Викарий уже стоял на пороге, его черная сутана казалась темным провалом на фоне светлеющего неба. Он поднял молитвенник, давая знак.

— Кажется, нас приглашают войти, — произнесла я, слегка склонив голову.

Леди Баркли поджала губы, но правила игры не позволяли ей продолжать расспросы у самого входа в дом Божий. Она величественно кивнула и, шурша тяжелыми юбками, двинулась к дверям. За ней потянулись остальные, и тихий шепот толпы мгновенно сменился гулким эхом шагов по каменным плитам нефа...

Внутри пахло старым воском, сырым камнем и полевыми цветами, чье свежее благоухание казалось здесь почти неуместным. Свет пробивался сквозь узкие витражи косыми цветными полосами. Синие, красные и желтые пятна лежали на полу, не смешиваясь между собой, словно даже солнце в этом приходе соблюдало строгую иерархию. Скамьи заполнялись быстро

и с особой, выверенной тишиной, какая бывает лишь на похоронах, когда каждый боится скрипнуть половицей раньше соседа.

Гроб на катафалке перед алтарем выглядел массивным. Тройной, как и полагалось виконту: красное дерево, свинец, дуб. Серебряные накладки тускло поблескивали в свете высоких свечей, воск с которых стекал в поддоны с мерным, едва слышным стуком.

Я подошла к краю.

Колин лежал в темном сюртуке, сцепив пальцы на груди. Смерть стерла с его лица вечную надменную гримасу, оставив лишь правильные, красивые и совершенно пустые черты. Он казался манекеном, на который надели его имя и титул. Я смотрела на него ровно столько, сколько требовал протокол, убеждаясь в главном: он действительно мертв, и вернулась на своё место.

Служба тянулась бесконечно. Викарий читал положенные тексты, хор пел положенные псалмы, а маменька всхлипывала в платок с безупречными интервалами. Я сидела, глядя в спину Эдварду, и думала о том, насколько публичным делом является смерть в этом веке. Никакого частного горя — только регламент, свидетели и обязательная рассадка по старшинству.

Когда эхо последнего «Аминь» затихло под сводами, ко мне потянулась вереница соболезнующих. Рукопожатия были либо слишком вялыми, либо излишне крепкими. Управляющий соседним поместьем ограничился коротким поклоном, лондонский приятель Колина выдал дежурную фразу о «невосполнимой утрате», уже поглядывая на часы. Я принимала эти знаки внимания как неизбежную пошлину, пока поток людей не вынес нас обратно на паперть.

Там, в тени портала, меня догнал Генри Сандерс.

— Леди Сандерс, — он негромко окликнул меня, вынуждая замедлить шаг. — Полагаю, сейчас самый подходящий момент обсудить практические стороны. Ваша вдовья доля — вопрос решенный. Я намерен обеспечить её в полном объеме. Достойно.

Я остановилась и посмотрела на него. Из-за вуали его лицо казалось ещё более непроницаемым.

— Мистер Сандерс, поместье обременено долгами, которые превышают его стоимость. Выделить вдовью долю при подобных обстоятельствах — это весьма расточительно.

— Это моя забота, — его губ коснулась улыбка, которую я начинала опасаться. — Всё будет улажено. Вам не о чем беспокоиться.

Он произнес это с такой уверенностью, будто долги Колина были для него не катастрофой, а мелкой бухгалтерской ошибкой, которую он уже исправил в уме.

— Вы планируете вскоре вернуться в Америку?

— Не в ближайшее время. Здесь слишком много дел, требующих личного присутствия. — Он чуть прищурился на свет. — К слову, перед отъездом в Кент я встретился в Лондоне с лордом Бентли. Мы достигли соглашения относительно земель Лонг-Эйкр. Я намерен вернуть их семье и погасить все обязательства Колина в полном объеме.

— Это... верный путь к восстановлению положения рода Роксбери, — произнесла я, слегка изменив тон.

За этим щедрым жестом я видела безупречно разыгранный дебют. Погашение долгов Колина было идеальным входным билетом: явившийся из колоний кузен, который первым делом закрывает позорные счета покойного виконта и возвращает утраченные владения, становится «своим» в Уайтхолле быстрее любого наследника по прямой линии.

Его истинные цели оставались для меня загадкой, но цена вложения была очевидна. Статус английского виконта и законное место в Палате лордов — бесценный ресурс для лоббирования любых торговых интересов... или шпионажа? Тень Ричарда Форда всё ещё стояла за моей спиной, добавляя вопросам веса, а догадкам — опасной отчетливости.

— Это единственный путь, — тихий голос Генри прервал мои мысли. — Если хочешь, чтобы тебя слушали, сначала нужно сделать так, чтобы тебе не могли ничего предъявить.

— Понимаю, — я коротко кивнула, принимая его прямоту. — Безупречность — это самая дорогая броня в Лондоне. Желаю вам успеха в её приобретении, мистер Сандерс.

Мы раскланялись. Процессия уже тронулась в сторону дальнего края погоста, к разверстому зеву семейного склепа. Генри пошёл следом, я же повернулась и пошла к карете Морганов.

На погребении я решила не присутствовать. Обязательства перед живыми были исполнены, а мертвым моя компания уже не могла ни повредить, ни помочь.

Обратно ехали вчетвером. Маменька заняла почетное место у окна, первым делом расправив юбки так, словно ей не хватало пространства целой кареты. Её голос — чуть надтреснутый, но всё ещё неутомимый — принялся заполнять тишину, вытесняя дорожные звуки. Это был ровный, усыпляющий поток слов; со временем он начинал звучать почти успокоительно, как монотонный стук дождя по кожаной крыше экипажа.

Она говорила, не глядя на нас, а лишь изредка поправляя набалдашником зонтика складку на колене Мэри. Сначала досталось викарию: человек он, безусловно, достойный, но служба вышла непростительно короткой. Маменька припомнила отца Келли, который в своё время умел растянуть прощание на два часа, вкладывая в каждое «упокой» столько чувства, что к концу проповеди рыдали даже конюхи у входа.

Затем она переключилась на миссис Партридж. Маменька с ювелирной точностью разобрала убогость её шляпки, заметив, что черные ленты на ней явно знавали лучшие времена и были перелицованы как минимум дважды. Досталось и сестрам Гилл — маменька нашла их сочувствие «излишне суетливым», а аромат нафталина, исходивший от их мантилий, — оскорбительным для столь торжественного собрания. Даже миссис Фробишер, чьё новое богатство обычно заставляло соседей помалкивать, была упомянута вскользь как «особа, путающая количество кружев с качеством воспитания».

При каждом повороте кареты маменька едва заметно покачивалась, не теряя ни ритма речи, ни безупречной осанки. В этом движении было нечто механическое, доведенное до автоматизма десятилетиями светских сражений. Наконец, выдержав паузу и дождавшись, пока колесо угодит в очередную выбоину, она переложила платок из одной руки в другую и перешла к главному.

— Генри Сандерс... — она задумчиво прижала платок к губам. — Станный молодой человек. Говорит по-английски без малейшего акцента, что похвально для колониста, и держится очень прямо, почти как военный. Хотя на военного он всё же не похож — слишком много в нем какого-то... беспокойства.

Она бросила на меня быстрый, оценивающий взгляд.

— Катрин, дорогая, я много размышляла над твоим положением. Потеря мужа — это испытание, каким бы этот муж ни был. И мой долг как матери — быть рядом с тобой в эти трудные дни. Я полагаю, мне следует поехать с тобой в Лондон.

Я медленно повернула голову. Воздух в карете, пропитанный ароматом маменькиных духов и запахом сырой шерсти от наших платьев, вдруг стал удивительно тесным.

— Маменька, это совершенно излишне. В Лондоне сейчас много суеты, которая вам не придется по нраву.

— Ты так говоришь, потому что не хочешь меня обременять, — она покачала головой с той снисходительной нежностью, которая всегда предвещала захват территории. — Но я прошла через это, Катрин. Я знаю, как холодны стены дома, когда из него выносят хозяина. Тебе нужна рядом женщина, которая поддержит, которая...

— Лидия писала, — негромко произнес Эдвард.

В карете стало тихо. Слышно было только, как скрипят рессоры и хлопает грязь под колесами. Маменька повернулась к сыну с выражением человека, которого прервали на самой важной ноте.

— Что? — переспросила она.

— Лидия писала из Нортумберленда, — повторил брат, не поворачивая головы от окна. — Жалуются, что слуги не слушаются, хозяйство идёт из рук вон плохо. Мистер Грантэм совершенно не понимает, как ей помочь, а там суровый климат, она не привыкла. — Он наконец перевел взгляд на мать. — Думаю, вы там нужнее, маменька. Долг перед беспомощной дочерью превыше лондонских визитов.

Маменька открыла рот, закрыла, снова открыла и принялась вертеть платок с удвоенной скоростью. Она понимала, что её только что очень ловко отрезали от лондонской жизни, и не знала, как возразить, не признав при этом, что общество графини Уэстморленд ей дороже, чем спасение Лидии.

— Ну... Лидия, конечно... — пробормотала она наконец, сдаваясь под натиском сына. — Бедная девочка, она всегда была такой неприспособленной. Но Катрин...

— Катрин справится, — отрезал Эдвард тем же ровным голосом. — Она уже доказала это.

Я посмотрела на брата. Он по-прежнему созерцал мелькающие за стеклом кентские поля с невозмутимым спокойствием, которое отличает людей, твердо убежденных в собственной правоте. Когда-то он написал письмо судье, называя меня невменяемой, и сделал это не из личной неприязни, а подчиняясь заведенному порядку вещей. В мире, где замужняя женщина всегда априори виновата перед мужем, его поступок был лишь следованием букве времени.

Это была не жестокость — это была эпоха. И сейчас он руководствовался тем же принципом: поступал так, как велел ему долг главы семьи и здравый смысл. В этой его предсказуемости и прямолинейности, лишенной мелкой злобы, я неожиданно для себя нашла нечто, заслуживающее уважения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.